Министерство высшего образования и науки РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
(Новосибирский государственный университет, НГУ)
Институт философии и права

Магистерская программа «Уголовное право и уголовный процесс»

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕТАЦИЯ
На тему
«Уголовно-правовая характеристика кражи»

Выполнил
магистрант группы 17914

Немкова Татьяна Игоревна

Руководитель магистерской программы:

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
(уч. степень, звание, должность)

Плохова В.И.

Оценка _____

Новосибирск
2019

Оглавление

Введение.....2
Глава 1 Объективные признаки кражи.....5
Объект кражи.....5
Предмет кражи.....15
1.3 Объективная сторона кражи.....22
Глава 2 «Субъективные признаки кражи».....51
2.1 Субъект кражи.....51
2.2. Субъективная сторона кражи.....60
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....82

Введение

Актуальность темы исследования. Собственность как социально-экономическая категория включает в себя отношения по присвоению материальных благ. Обладание и распоряжением имуществом – выступает гарантией благосостояния граждан и их экономической свободы. Опираясь на положения статьи 17 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Конституция Российской Федерации установила за каждым право иметь имущество в собственности, владеть, распоряжаться им как совместно, так и единолично (ст. 35).

Однако заложенный в Конституции защитный механизм – эффективен далеко не всегда. Так, по официальным данным уголовной статистики, почти половину всех зарегистрированных преступлений составляют хищения чужого имущества (43,7%)[1]. Такая широкая распространенность хищений и обусловленный их совершением значительный совокупный ущерб - обуславливает высокую значимость совершенствования теоретических и практических основ уголовно-правового механизма противодействия данным преступлениям, тщательного изучения законодательной модели составов хищений, ответственности за их совершение.

В 2017 году правоохранительными органами зарегистрировано 1 232 421 преступлений против собственности, из них краж – 871 084[2]. Таким образом, кража на сегодняшний день является самой распространенной формой хищения чужого имущества.

В лицах, судами Российской Федерации в 2017 году за кражи было осуждено 207 377 человек, для сравнения, в 2016 году – 217 756 чел., в 2015

---

[1] Официальный сайт МВД РФ. Адрес электронного доступа: https://мвд.рф/folder/101762/item/8306504/ (дата обращения 08.01.2019)

[2] Там же. Адрес электронного доступа: https://мвд.рф/folder/101762/item/8306504/ (дата обращения 08.01.2019)

году - 204 087 чел.[3] Как видим, это достаточно высокие и стабильные показатели, свидетельствующие о высоком уровне распространенности преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ (кражи).

Исходя из этого, необходима проработка эффективного механизма борьбы с данным явлением, ставшим уже социально-значимым.

Вышесказанное определяет актуальность темы исследования.

Состояние научной разработанности темы. Исследованию хищений, в том числе кражи, посвящены работы таких ученых, как Н.Ю. Акинина, Н.А. Карпова, Л.Л. Кругликов, А.В. Бриллиантов, Т.О. Кошаева, Н.А. Лопашенко, А. Севрюков, А.В. Шеслер, П.С. Яни и др. Их научными позициями мы руководствовались при рассмотрении обозначенной для исследования проблемы.

Целью работы - является уголовно-правовой анализ состава преступления, закрепленного в ст. 158 УК РФ (кража), особенностей привлечения к уголовной ответственности за ее совершение и разработка рекомендации по усовершенствованию работы органов предварительного расследования и суда по делам о кражах.

Для достижения указанной цели нами сформулированы для решения следующие *задачи:*

– привести уголовно-правовую характеристику тайного хищения чужого имущества (кражи): проанализировать объект данного состава;

– рассмотреть объективную сторону тайного хищения чужого имущества (кражи);

– выявить особенности объективных признаков квалифицированных составов кражи;

– обозначить основы отграничения кражи от иных форм хищений;

– определить критерии разграничения кражи как преступления и административного проступка; раскрыть значение административной преюдиции как средства борьбы с хищениями;

---

[3] Официальный сайт Судебного Департамента РФ. Адрес электронного доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3383 (дата обращения 08.01.2019)

– проанализировать субъект кражи;

– исследовать субъективную сторону тайного хищения чужого имущесьва;

– сформулировать выводы по исследованным в работе вопросам.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, формирующихся по поводу квалификации судами тайного хищения чужого имущества (кражи).

Предмет исследования – уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за кражу, материалы правоприменительной деятельности в сфере его применения.

Методологическая основа исследования. В выполненной работе использован диалектический (общенаучный) метод познания.

На его основе применялись иные частнонаучные методы (сравнения, анализа, обобщения, логики и пр.).

Теоретической основой работы являются исследованные автором научные труды в области уголовного права.

В работе использована учебная и справочная литература.

Структура работы включает в себя введение, основные вопросы темы, заключение и список использованных в работе источников.

Глава 1 Объективные признаки кражи

Объект кражи

В настоящее время в теории уголовного права происходит пересмотр многих теоретических аспектов, в том числе касающихся объекта преступления. Характеристику любого преступления, а тем более кражи, целесообразно начать с ее объекта.

В науке уголовного права объект принято характеризовать строго придерживаясь его классификации на определённые группы общественных отношений в соответствии с наиболее существенным и общим для них признаком[1].

Классификация объекта преступления взаимосвязана с системным строением Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. В действующем УК РФ существует четырехзвенчатая система (Особенная часть - разделы – главы – статьи). Позиции ученых по данному вопросу также неоднозначны. Например, В.И. Плохова, считает, что «имеющее место деление объектов на основе объединения преступлений в главы и разделы Особенной части УК, или классификация правоотношений, - это нестрогая типология»[2]. Другие авторы полагают, что главы выделяются по видовому, а разделы – по родовому объекту, тем самым обосновывая строгость системного построения Особенной части УК РФ, к их числу относится и А.И. Рарог[3]. По представлению законодателя имеет место разделение «по вертикали» общего, родового, видового и непосредственного объекта преступления.

А.В. Пашковская, например, пишет, что «именно родовой объект преступления положен в основу кодификации и классификации норм

---

[1] Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара: Изд-во «Самарский университет»: монография. 2002. С. 105.

[2] Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб. 2003. С. 117.

[3] Рарог А.И. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для Вузов. «Юриспруденция». –М.; 2014. - С. 9-143.

Особенной части. К родовым объектам преступлений относятся, например, личность, собственность, общественная безопасность»[1].

Каждое из названных делений объекта призвано выполнять свое методологическое назначение.

Обратимся к общему объекту преступления, который указывает на то, что существуют определенного рода отношения, значимые для общества, которые подвергаются негативному воздействию.

Советская школа придерживалась мнения, что общим объектом преступления признаётся вся совокупность общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом. Общепринятым считалось, что объектом любого уровня выступают общественные отношения[2]. Существует также позиция, согласно которой предлагается рассматривать в качестве объекта преступления человека или его блага[3]. Одним из доводов отрицания общественных отношений как объекта преступного посягательства является то, что признание их (общественных отношений) объектом преступления ставит отношения на высшую ступень иерархии социально значимых ценностей, из чего следует, что уголовный закон призван охранять порядок отношений. Как известно, любое преступление всегда нарушает те или иные общественные отношения, тем не менее, это не образует сущности общественной опасности преступления[4]. Позволим себе согласиться с данным утверждением, так как, по нашему мнению, преступление причиняет вред определенным ценностям или благам, а через них непосредственно личности, обществу, государству, ради охраны которых существует уголовный закон.

Однако, при концепции отрицания категории общественных отношений в качестве объекта преступления, необходимо учитывать, что

---

[1] Курс уголовного права. Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении \ под. Ред. Н.Ф Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 208.

[2] Лопашенко Н.А. Посягательство на собственность: монография. М. : Норма Инфа М., 2012. С. 12.

[3] Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С.60.

[4] Зателепин О.К. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве \\ Уголовное право. 2003. №1. С. 30.

уголовное право является составной частью общего права, как социального явления, распределение внутри которого происходит через предмет правового регулирования, под которым понимаются определённые сферы однородных общественных отношений.

Следовательно, под общим объектом преступления следует понимать всю совокупность охраняемых законом общественных отношений, на которые совершается преступное посягательство.

В науке выдвигалось предложение о признании объектом преступления конкретных индивидов, против которых совершается преступление, так, Г.Н. Новоселов, полагает, что «в одних случаях люди выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множество лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в- третьих – как социум (общество)».

Представление об объекте преступления через общественные отношения, охраняемые законом от преступных посягательств, продолжает традиции досоветской российской уголовно-правовой науки, а также соответствует современным видениям на сущность, социальную ценность права и содержание правоотношения. Так как отказ от категории «общественные отношения» может породить иное представление о праве.

Понятие об объекте преступления как об общественном отношении лежало в основе УК РСФСР 1922 г., 1926 г.. 1960 г. и сохранилось действующим уголовным законом, при отходе от понятия объекта преступления через общественные отношения потребуется разработка нового Уголовного кодекса.

В настоящей работе предлагается придерживаться точки зрения, что объект преступления есть общественные отношения, так как наиболее распространенной точкой зрения, которой придерживаются деятели уголовной науки, по прежнему остается именно такое понимание. Следовательно, объект кражи предлагается рассматривать через отношения собственности.

Итак, объект преступления является, во-первых, основанием для разграничений преступлений между собой, во-вторых, именно этот элемент состава никогда не совпадает при сравнении преступлений и деликтов не уголовного характера[1]. Следует отметить, что общий объект не может служить разграничением имущественных преступлений от проступков, в силу того, что в современном обществе имущественные отношения защищены равным образом как уголовным правом, так и иными отраслями. Очевидно, что независимо от характера, нарушения в имущественной сфере посягают на один и тот же объект. Следовательно, автор приходит к тому, что разграничение между преступлением и проступком проводится по иным признакам состава.

Еще советские ученые придерживались мнения, что «неправильная квалификация совершенного в ряде, а может быть и в большинстве случаев имеет своим источником неправильное решение вопроса об объекте преступления»[2]. Следовательно, определение объекта преступления является отправной точной при рассмотрении особенностей состава преступления.

Переходя к вопросу о родовом и видовом объекте рассматриваемого нами состава, следует обратиться к методологическому назначению этих признаков в общем учении об объекте преступления. Данные признаки позволяют дифференцировать преступные деяния на однородные группы и виды. Итак, родовой объект – это объект, которым охватывается определённый круг однородных по своей экономической или социально-политической сущности общественных отношений, которые в силу этого должны охраняться единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм[3]. Законодательно родовой объект положен в основу выделения разделов Особенной части. Кража расположена в разделе «Преступления в сфере экономики», что позволяет констатировать, что

---

[1] Кадников Н.Г. Уголовное право. Общая и особенная части. - М.: Городец, 2015.-С.476.

[2] Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б.С. Никифоров. М.:Госюриздат, 1960. С.5

[3] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник \ под. ред. Л.В. Иногамовой –Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2015. С.100-101.

родовым объектом преступлений, входящих в данный раздел, являются отношения, охраняющие экономику[1]. Однако, с таким утверждение согласны далеко не все ученые. В частности, в курсе уголовного права под редакцией Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова указывается на то, что каждая из трех групп преступлений в сфере экономики имеет свой родовой объект[2].

Существует позиция, поддержанная еще профессором Э.С. Тенчовым, согласно которой, родовым объектом преступлений, указанных в главе 21 УК РФ, в том числе кражи, является собственность. Которую трактуют как основную социально-экономическую категорию общества, которая охватывает реальное присвоение материальных благ в производственной или потребительской сфере[3].

Расположение статьи 158 в разделе «Преступления в сфере экономики» свидетельствует о том, что родовым объектом данного деяния являются экономические отношения, то есть те общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование российской экономики. Посредством родового объекта можно отграничить хищение чужого имущества от ряда смежных преступлений, которые сопряжены с причинением или угрозой причинения имущественного вреда, однако, отличаются тем, что посягают на иной родовой объект.

С мнением о том, что родовым объектом кражи выступает собственность автор солидарен, поскольку отношения, охраняющие экономику, разделены на несколько видов, в том числе и на отношения, охраняющие собственность, а основу экономики, как справедливо отмечает С.А. Елисеев, составляют именно отношения собственности[4], с чем нельзя не согласиться, поскольку сохранение и развитие всех видов собственности являются неотъемлемой частью экономического процветания общества.

---

[1] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики. М., 2006. С. 15.

[2] Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3. С. 386-387.

[3] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладные исследования. М., 2005. С. 23.

[4] Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. Томск, 1999. С. 18.

Видовым объектом принято считать совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, интересов, неотъемлемых от человека благ, ценностей, выделенных по видам из среды родовых объектов[1].

В тайном хищении чужого имущества, видовым объектом признаются отношения собственности в целом, которые, в свою очередь, включают права каждого собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом[2]. Данное определение прямо вытекает из уголовного закона и непосредственно из главы 21 УК РФ. Однако, А.Г. Безверхов считает, что это понятие более уместно трактовать как имущественные отношения, непосредственно связанные с владением, пользование и распоряжением материальными благами субъектами права собственности[3].

Так, видовым объектом преступления, предусмотренного статьей 158 УК РФ является отношения собственности в любой форме, будь то государственная или частная собственность, так как российским законодательством, согласно ст. 8 Конституции РФ признаются и защищаются все формы собственности. Отношения собственности включают в себя права каждого конкретного собственника владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежим ему имуществом. Полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению, как справедливо отмечает В.И. Плохова, распространяются на вещи и предметы, призванные служить удовлетворению его материальных и духовных потребностей, диктуемых личными вкусами и другими индивидуальными запросами[4].

---

[1] Холодок В.А. Теория и практика квалификации преступлений: учеб. пособ. Курган, 2010. С. 35.

[2] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник \ под. ред. Л.В. Иногамовой –Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2015. С.58.

[3] Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара: Изд-во «Самарский университет»: монография. 2002. С. 108.

[4] Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб., 2003. С. 119.

Следует отметить, что отношения собственности имеют три вида, как на объект посягательства при хищении. Например, А.И. Бойцов выделяет следующие виды собственности: 1) как экономическое отношение, 2) как правовую ценность (встречается как право собственности в субъективном смысле) и 3) собственность как экономическое отношение и право собственности.[1] Согласно первому подходу собственность является основным отношением, складывающимся в области экономики, нам представляется, что именно этот подход заслуживает доминирующей позиции. Собственность как юридическое явление выражает гарантию собственнику в установленных законом пределах использовать имущество по своему усмотрению. Сутью третьего подхода представляется собственность в экономической и правовой трактовке в уголовном праве. Данный подход поддерживает С.А. Елисеев, который считает, что ущерб причиняется как экономическим отношениям собственности, так и правомочиям собственника[2].

Также бытует мнение, что объектом кражи выступают имущественные отношения, то есть такие отношения, которые складываются по поводу принадлежности, оборота имущества, результатов работ, оказания услуг и которые получают правовую регламентацию непосредственно через право собственности[3]. При определении объекта преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, необходимо отталкиваться не только от названия главы 21 УК РФ, но и из формулировки примечания к ст. 158 УК РФ. Согласно которого, вред при хищении причиняется не только собственнику, но и «иному владельцу» имущества. Как правило, владельцем является собственник имущества. В таком случае, владение совпадает с правом собственности и представляет собой составную часть содержания субъективного права собственности, одно из правомочий, предоставленных собственнику закону,

---

[1] Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб, 2002. С.107.

[2] Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. Томск, 1999. С. 128-130.

[3] Российское уголовное право: Учебник: в 2 т. / под ред. А.И. Рарога. Т. 1.- М., 2009, с. 110.

с одной стороны, а с другой – фактически существующую принадлежность вещи ее собственнику. Однако, право владения, как следует из примечания к ст. 158 УК РФ может принадлежать и не собственнику, например, на основании договора с собственником или в силу закона. По мнению ряда цивилистов, к числу которых относится Т.И. Илларионова, в таком случае, владение не совпадает с правом собственности и представляет собой один из видов вещных прав.

Для кражи, как и для любой другой формы хищения, достаточно нарушения фактического владения, что вытекает из положений закона. Из примечания 1 к ст. 158 УК РФ следует, что для квалификации кражи не имеет значения, законно или незаконно владение, на которое совершается посягательство.

В случаях, когда имущество похищается у незаконного владельца, объектом кражи продолжают оставаться отношения собственности законного владельца имущества. Отсюда берет свое начало юридическая формула «хищение похищенного».

Вопрос о хищении ранее похищенного представляет определенный интерес. Очевидно, что в случае, изъятия имущества добытого преступным путем, собственность не выступает объектом преступного посягательства. В юридической литературе предлагается различная правовая оценка такому общественно опасному деянию, например, С.М. Кочои предлагал включить в Уголовный кодекс норму об ответственности за хищение похищенного[1]. Такое предложение имеет место быть, однако, как видится автору, введение такой нормы значительно осложнит деятельность практических работников, требуя от них устанавливать правовое основание владения имуществом лицом, ставшим объектом преступного посягательства.

Признание объектом хищении имущественных отношений по владению не означает, что закон охраняет незаконные интересы.

---

[1] Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – 2-е изд., допол. и перераб. М.: 2000. С. 136.

Для того, чтобы имущество признавалось чужим, необходимо, чтобы виновный не имел права на обращение с ним как со своим собственным и данное имущество не было вверено ему собственником во временное пользование. Следовательно, состав преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ образует тайное хищение имущества не только у его собственника, но и у лица, ранее похитившего это имущество, которое является незаконным собственником. В итоге, нарушается право собственности первоначального обладателя – собственника имущества. Ряд авторов, в том числе В.И. Плохова считают, что уголовное право должно защищать любое владение (как законное, так и незаконное). Данная позиция видится автору наиболее правильной, так как хищение имущества у недобросовестного владельца является столь же общественно опасным и нарушает функционирование прав собственности. Следовательно, не имеет значения правомерно или неправомерно было приобретено имущество, похищенное у фактического держателя.

Таким образом, содержание видового объекта кражи нельзя ограничивать лишь имущественными отношениями по принадлежности материальных благ субъектами права собственности. Видовым объектом следует считать и отношения по владению имуществом конкретными лицами – владельцами.

В связи с вышесказанным, представляется, что понимание видового объекта кражи следует расширить через термин «имущественные отношения», который включает в себя как отношения собственности, так и отношения иного владения.

Последним объектом, выделяемом в законе и теории уголовного права является непосредственный.

Вопрос о непосредственном объекте преступлений является малоисследованным, непосредственный объект не всегда упоминается при характеристике посягательств на собственность.

В общем смысле непосредственный объект – это объект отдельного преступления, составная часть общего, родового и видового объекта.

Непосредственный объект это конкретизированное общественное отношение, на которое совершается посягательство[1]. Уголовно-правовое значение непосредственного объекта заключается в том, что на его основе устанавливается характер общественной опасности преступления, что по нашему мнению, является основополагающей функцией данной категории объекта преступления. Во-вторых, непосредственный объект позволяет определить, какому конкретному общественному отношению причиняется вред при совершении преступного посягательства. Также он является элементом каждого состава преступления, а силу этого и основанием установления уголовной ответственности. Непосредственным объектом кражи выступают имущественные отношения.

Относительно непосредственного объекта тайного хищения можем отметить, исходя из общего понятия, что им является собственность физического или юридического лица, которому в результате преступления причинен имущественный вред.

По мнению ряда ученых[2], отношения собственности относятся к пассивному типу правоотношений, в рамках которых только собственнику принадлежит право на совершение активных действий в отношении своего имущества. Следовательно, остальные не должны посягать на право собственности, которое принадлежит другому лицу.

В научной литературе непосредственный объект тайного хищения определяют через отдельную форму собственности, нарушаемую в результате преступного посягательства[3]. Такое деление в современных реалиях не целесообразно. В советской юридической теории господствовало такое разделение, однако, такое представление входит в противоречие с современными социально экономическими условиями. Российская

---

[1] Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под. Ред. В.К. Дуюнова. – М., 2009, С. 410.

[2] Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2001.; Клепицкий А.И. Собственность и имущество в уголовном праве. 1997.; Артеменко Н.И. Категория «собственность» как объект уголовно-правовой охраны. 2011.

[3] Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2-х т.; т. 2: Особенная часть. М., 2002. С. 199.

цивилистическая теория восстановила концепцию единого права собственности, отказавшись от стереотипов советского периода. Такой позиции придерживаются большинство деятелей уголовной науки, так А.И. Чучаев полагает, что непосредственный объект – это «конкретное общественное отношение, против которого направлено преступное посягательство»[1]. С такой позицией солидарна и Т.А. Бушуева, которая отмечает, что непосредственным объектом преступления выступает конкретное общественное отношение, которому причиняется вред или создается угроза причинения вреда[2].

Автор солидарен с мнением, согласно которого делать акцент на конкретной форме собственности не следует, так как Конституцией РФ защищены все формы собственности. Таким образом, непосредственным объектом кражи выступает собственность конкретного лица (физического или юридического), которой причиняется ущерб в результате совершения преступления.

Следует признавать объектом имущественные отношения по владению, распоряжению и пользованию конкретными субъектами права собственности.

Предмет кражи

В науке одним из признаков, характеризующих объект преступления, выделяют предмет преступного посягательства. В уголовном праве предмет относят к факультативным признакам объекта преступления, так как он указан не во всех нормах Особенной части Уголовного кодекса, однако, это не распространяется на рассматриваемый состав преступления.

Все имущественные посягательства относятся к категории предметных преступлений.

---

[1] Российское уголовное право: Учебник: в 2т. / Под ред. А.И. Рарога. Т.1. – М., 2009, С. 110.

[2] Бушуева Т.А. Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление. – М., 1999, С. 303.

Предмет хищения – это то имущество, по поводу которого совершается преступление. Такого мнения придерживаются большинство ученых. Так, С.М. Кочои, предметом называет «имущество в целом»[1]. В таком случае, под имуществом понимаются те виды объектов гражданских прав и обязанностей, которые Гражданский кодекс относит к имуществу. Как мы видим, понятие имущества следует рассматривать в широком смысле. Такую позицию полностью поддерживает А.И. Рарог, который рассматривает предмет преступлений против собственности как любое имущество, которое в соответствии с положениями гражданского законодательства может быть объектом права собственности[2].

Если следовать позиции высказанной ранее, то предметом имущественных преступлений следует признавать исключительно вещи, поскольку, согласно, гражданского законодательства, только они составляют объект права собственности.

Так, в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ указывается на предмет кражи, как на чужое имущество. Данный признак отражает юридическую характеристику имущества**.** В российском уголовном праве понятие «чужое имущество» понимается в узком смысле – как чужая вещь или совокупность чужих вещей, с включением в эту категорию денег и ценных бумаг[3].

Анализ литературы и правоприменительной практики показывает, что существует система критериев, раскрывающих имущество, как обязательный признак кражи. Автор придерживается мнения, высказанного Л.С. Аистовой, согласно которого она выделяет три признака имущества, как предмета хищений, Л.С. Аистова называет их свойствами и выделяет физическое,

---

[1] Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – 2-е изд., допол. и перераб. М.: 2000. С. 90.

[2] Рарог А.И. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для Вузов. «Юриспруденция». –М.; 2014. - С. 114.

[3] Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара: Изд-во «Самарский университет»: монография. 2002. С. 121.

экономическое и юридическое свойство[1]. Такой же позиции придерживается А.И. Бойцов[2].

Во-первых, имущество, как предмет тайного хищения должен носить материальный характер, является частью материального мира, то есть в него вложен труд человека и он обладает объективной, материальной ценностью. Это и является физическим признаком предмета тайного хищения. Таким образом, предметом хищения могут быть вещи, обладающие физическими параметрами, такими как вес, количество, объем[3].

Предметом хищения, в силу физического признака, не может выступать электрическая энергия, такое мнение высказано, значительной частью ученых в области уголовного права[4]. Однако, относительно кражи, законодатель, введя в 2006 году квалифицирующий признак, как кража из газопровода уже пошел по пути того, что предметом кражи может быть не только осязаемая вещь. Газ, на законодательном уровне признан предметом кражи при отсутствии у него материального признака. Представляется, что такой подход к предмету кражи в сегодняшних реалиях актуален и стоит рассмотреть вопрос о введении в состав кражи такого предмета, как, например, электрическая и тепловая энергия, что предлагалось в 2013 году Минэнегро, однако, данное предложение так и осталось в стадии инициативы.

Рассмотрим предмет хищения с экономической стороны. Так, предмет должен обладать стоимостью как экономическим свойством. Критерием вещи является ее стоимость выраженная в денежном эквиваленте. Именно в силу этого, предметом кражи могут быть и сами деньги, ценные бумаги, которые являются эквивалентом стоимости. Не могут быть признаны предметом хищения вещи, не имеющие потребительской стоимости, то есть

---

[1] Аистова Л.С. Кража: анализ состава преступления и проблемы квалификации. – СПб., 2009. С. 20.

[2] Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 110.

[3] Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 111.

[4] Курс уголовного права. Особенная часть. Т.3. Учебник для ВУЗов. Под ред. Г. Н. Борзенкова – М.: ИКД. Зерцало. 2002. С. 171. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник \ под. ред. Л.В. Иногамовой –Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Контракт: ИНФРА-М, 2015. С.172.

способности удовлетворять человеческие потребности. Также предметом кражи нельзя признать вещи, в которые не вложен труд человека. Данный признак предмета кражи позволяет отграничить ее от состава преступления предусмотренного ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», однако, если рыба выращена в искусственном водоеме, то ее незаконная добыча должна расцениваться как хищение. Это обусловлено тем, что такая рыба будет признана предметом хищения, поскольку она выращена человеческим трудом. Приговором Старожиловского районного суда Рязанской области Г. и М. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ[1], за покушение на кражу группой лиц по предварительному сговору, согласно приговору суда осужденные пытались тайно похитить рыбу (карпа) из пруда, в ходе предварительного расследования было установлено, что водоем является искусственным, следовательно, квалифицировать их действия по ст. 256 УК РФ нельзя, в силу того, что в рыбу, как предмет преступного посягательства, вложен труд человека.

Не могут признаваться предметом кражи документы, не имущественного характера и документы, не являющиеся носителем стоимости, хотя и дают право на получение имущества в силу отсутствия экономических составляющих.

Следующим признаком, предмета кражи является юридический критерий, связан этот критерий, в первую очередь с категорией «чужое имущество», а также, с точки зрения юридического аспекта предмет должен быть объектом вещного права и не изъятым из гражданского оборота.

Чужим признается имущество, не принадлежащее лицу на праве собственности, имущество, не находящееся в совместной собственности виновного и других лиц. В случае, если виновное лицо имело даже косвенное право на имущество (например, изъяло имущество в счет уплаты долга),

[1] Приговор Старожиловского районного суда (Рязанская область) от 20.02.2015 по делу № 1-9/2015 [Электронный ресурс] – URL: https://sudact.ru/regular/doc/zeeUYDdRo3Lx/

содеянное не образует состава кражи, а при наличии необходимых признаков рассматривается как самоуправство. Такую позицию изложил и Верховный Суд РФ. Пленум ВС РФ в Постановлении от 27.12.2002 №29 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»[1] обращал внимание судов на необходимость разграничения самоуправства и хищения. Так, ВС РФ разъяснял, что не образуют состава кражи действия лица по изъятию и (или) обращению в свою пользу или пользу других лиц чужого имущества в целях осуществления действительного или предполагаемого права на это имущество.

При рассмотрении вопроса о предмете кражи с точки зрения юридического свойства, следует обратиться к Гражданскому Кодексу РФ, так как исходя из положений ст. 130 ГК РФ, имеется такое юридическое свойство вещей, как делимость их на движимые и недвижимые. Предметом деяния, предусмотренного ст. 158 УК РФ могут являться лишь движимые вещи, то есть те, которые могут быть перемещены в пространстве. Недвижимое же имущество (земельные участки, обособленные водные объекты и др.) может быть предметом иных форм хищения, например, мошенничества.

При рассмотрении вопроса об юридическом признаки предмета кражи следует рассмотреть вопрос о квалификации в качестве кражи находки. Решение этого вопроса неоднозначно. Прежде всего, это связано с тем, что в действующем УК РФ, в отличии от утратившего силу УК РСФСР отсутствует состав преступления по присвоению найденного. Существует позиция, что если имущество по тем или иным причинам выбыло из владения собственника, то завладение таким предметом не образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, даже в случае, если хищение было совершено тайно[2]. А неправомерное присвоение

---

[1] П. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Рарог А.И. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для Вузов. «Юриспруденция». –М.; 2014. - С.107.

найденного влечет лишь гражданскую ответственность, предусмотренную ст. 227 ГК РФ.

Судебная практика в различных регионах неоднозначна, это происходит по причине того, что отсутствуют разъяснения Пленума Верховного Суда по данному вопросу.

Итак, потерянной вещью является такое имущество, которое утрачено собственником помимо его воли (по вине или в силу случайных обстоятельств). Потеря (утрата) вещи не является прекращением права собственности, но рассматривается как прекращение владения. Однако, при квалификации действий как кража, следует учитывать свойства предмета хищения.

Так, приговором Волжского городского суда Волгоградской области осужден М. по ст. 158 УК РФ, который являлся таксистом и присвоил себе забытые пассажиром в машине сумку и кошелек[1].

Также определением Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2017 года приговор Сегежского городского суда Республики Карелия в отношении Т. оставлен без изменения, Т. признана виновной в совершении тайного хищения чужого имущества, а именно сотового телефона оставленного потерпевшим в холле поликлиники, при решении вопроса о виновности Т. учитывалось место оставления потерпевшим своего имущества, а также особенности предмета хищения - мобильного телефона, находящегося в рабочем состоянии и имеющего идентификационные признаки[2].

В приведенном в качестве примера кассационном определении указывается на особенности признака предмета хищения. В научной литературе также существует мнение, что если виновное лицо при присвоении вещи могло достоверно знать кому принадлежит имущество, в рассмотренном примере, похищен телефон, по которому можно достоверно

---

[1] Приговор Волжского городского суда (Волгоградская область) от 12.04.2012 по делу № 308/2012. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru

[2] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.04.2017 по делу № 75-УД17-2 [Электронный ресурс] URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1540678

узнать владельца, а также могло полагать, где находится владелец вещи и что он может за ней вернуться, в таком случае имеет место быть уголовно наказуемая кража[1]. Представляется, что данная позиция близка к истине для решения вопроса по факту квалификации находки, так как в обоих приведенных примерах из судебной практики, виновные лица явно знали, собственников похищаемого имущества. Однако, если вернуться к юридическому признаку предмета кражи, следует отметить, что потерянное или забытое имущество уже не находится во владении собственника или иного владельца, следовательно, юридический признак предмета кражи отсутствует, так как имущество должно находится во владении, в ином случае, признать имущество предметом кражи невозможно.

Также в доктрине рассматривается вопрос о негодном предмете кражи. Рассмотрение данного явления целесообразно на примере кражи фальшивых купюр Банка России, так, деньги, являются полноценным предметом кражи, обладающим всеми признаками предмета. При тайном хищении поддельных билетов Банка России, внешне содержащим все признаки завершенного преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, не образует состава преступления, указанного выше. Как справедливо отмечал Бойцов А.И. «Данное деяние не образует признаков состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, так как представляют собой покушение на негодный предмет…»[2]. Действия, при негодном предмете следует квалифицировать как покушение на соответствующее преступления, в настоящей работе, данные действий правильно квалифицировать как покушение на кражу, так как деяние было направлено на тайное хищение, но по независящем от виновного обстоятельствам не доведено до конца.

Итак, предметом кражи является имущество, которое обладает тремя обязательными признаками – физическим, экономическим и юридическим,

---

[1] Хилюта В.В. Забытое имущество и его характеристика в контексте установления признаков кражи и присвоения найденного \\ Синеогия. 2018 №2. С.76-84.

[2] Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С.172

способное удовлетворить потребности людей, преступное воздействие на которое причиняет или создает угрозу причинения вреда.

Предмет преступного посягательства не только может быть обязательным для квалификации деяния как преступления. В случае, когда речь идет о «предметном составе», каковым является кража, предмет имеет значение как стоимостный критерий преступного деяния, который в значительной мере влияет на наказуемость виновного. Также необходимо подчеркнуть, что понятие и некоторые признаки предмета кражи нуждаются в переосмыслении с учетом фактически существующих отношений собственности по поводу новых объектов.

1.3 Объективная сторона кражи

Ф.Р.Сундурова предлагает рассматривать объективную сторону состава преступления как совокупность признаков, которые будут характеризовать внешнюю сторону посягательства. Объективная сторона включает характеристику поступка, наступившие последствия от поступка, причинную связь и факультативные признаки. По её мнению, объективная сторона кражи содержит противоправность, безвозмездность изъятия имущества в пользу виновного, а также причинение ущерба владельцу изъятого имущества. «Изъятие» и «обращение» входит в характеристику деяния, которое выражено хищением. Поведение может состоять из двух актов: изъятие и обращение, а может только из одного - обращение[1].

Объективная сторона преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ выражается в противоправном получении имущественной выгоды и причинением имущественного ущерба собственнику или иному владельцу.

Объективная сторона кражи четко определена законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ, где она определена как тайное хищение

[1] Сундурова Ф.Р. Уголовное право России. особенная часть: учебник.-М.: Статут, 2017 г. С. 199

чужого имущества. Также важным признаком объективной стороны кражи считается совершение ее ненасильственным путем[1]

Состав кражи сформулирован в законе как материальный.

Объективная сторона кражи включает в себя:

1) деяние - противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц;

2) последствия - причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества;

3) причинную связь между деянием и последствиями.

Кража является одной из форм хищения и следовательно, обладает всеми признаками хищения, а именно, это противоправное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного и других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Объективная сторона любого преступления представляет собой неразрывный процесс, каждый элемент которого подчиняется общим закономерностям. Начальным этапом принято считать действие (бездействие), который оказывает негативное влияние на общественные отношения, как на объект преступления, в рамках работы, как на отношения собственности. С другой стороны, как считает Буз С.Ю. «общественная опасность действий (бездействия), приводящего к нарушению, изменению и разрушению общественных отношений и вызывающего вредные изменения в объекте посягательства является начальным звеном возникновения последствий»[2].

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, как отмечалось выше, представляет собой тайное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного, что понимается как завладение чужим имуществом, завладение считается оконченным с

---

[1] Козаченко И.Я. Уголовное право. особенная часть.-4-е изд., изм. и доп.-М.: Норма, 2018. - С. 240.

[2] Буз С.И. Кража: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф.дис….канд.юрид.наук. – Краснодар, 2004, С.9-10

момента, когда виновное лицо получило реальную возможность распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению[1]. Незаконность изъятия чужого имущества означает, что виновный не имеет права, ни действительного, ни предполагаемого на изымаемое имущество. Изъятие также предполагает физическое отторжение у собственника или иного владельца имущества и перемещение его в какое-либо другое место[2]. Профессор А.И. Рарог полагает, что изъятие чужого имущества означает его перевод из владения собственника или иного владельца в фактическое обладание виновного[3]. Существует два способа изъятия: физический и юридический. Относительно кражи, можно рассматривать лишь физическую форму изъятия. Об этом и говорит А.И. Рарог. При физическом изъятии вещи перемещается в пространстве, то есть физически переходит из владения собственника либо иного законного владельца в чужие, противоправное пользование. В отличии от мнения других ученых, например, О.Ф. Шишова, который придерживается позиции, что изъятие предполагает физическое отторжение и перемещение имущества, здесь понимается не только физическое извлечение, а вообще перевод имущества из владения собственника или иного владельца в фактическое владение виновного. Представляется, что применительно к краже мнение О.Ф. Шишова видится более актуальным. Примечательно, что собственник или иное лицо владеющие имуществом, права собственности не утрачивает. Здесь следует снова вернуться к вопросу о потерянных вещах, с учетом изложенного, следует обратить внимание на выполнение виновным объективной стороны при совершении такого рода деяний, факта физического изъятия виновным имущества не наблюдается, а иначе говоря, никаких активных действий для изъятия виновный не предпринимал, следовательно, квалифицировать

---

[1] Ермакова О.В. Момент окончания хищения: закон, теория, практика \\ Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. №1. С. 44-46.

[2] Аистова Л.С. Кража. Анализ состава преступления и проблемы квалификации. Учебное пособие. СанктПетербург. Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс»., 2016 г. ISBN 978-94201-575-4.

[3] Российское уголовное право. В 2т, Т.2. Особенная часть. М., 2003. С.172-173.

действия виновного по ст. 158 УК РФ невозможно. Такая позиция еще раз подтверждает факт неоднозначности решения этого вопроса.

С точки зрения С.Н. Склярова термин «изъятие» не следует использовать в качестве характеристики объективной стороны, поскольку изъятие наблюдается не во всех случаях тайного хищения[1]. При таком мнении, присвоение потерянных или забытых вещей приобретает окрас уголовно-правовой кражи.

Далее следует рассмотреть незаконность и безвозмездность изъятия чужого имущества, что является обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Незаконность, по общему правилу, означает, что виновный не является собственником похищаемого имущества и не имеет юридического права на изъятие последнего и обращения его в свою пользу, если же лицо имеет юридическое право на имущество, его действия будут квалифицироваться по ст. 330 УК РФ, как самоуправство.

Безвозмездность характеризуется тем, что чужое имущество изымается без возмещения за него эквивалента в натуральном виде или в виде иных материальных благ и ценностей, которые способны возместить его стоимость. Выделяют три варианта безвозмездности изъятия чужого имущества, основанные на расширительном толковании указанного признака:

1) без возмещения его стоимостного эквивалента;
2) с символическим возмещением (например, оставление в замен менее ценное вещи), что по прежнему влечет за собой ответственность за совершение кражи;
3) с частичным возмещением при отсутствии у виновного намерений осуществить возмещение в полном объеме в последующем.

От всех форм хищения, кража отличается тайным способом изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного.

---

[1] Скляров С.Н. Уголовная ответственность за хищение недвижимого имущества // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 54.

Вопрос о том, является ли хищение тайным, решается на основании субъективного критерия, исходя из восприятия виновным обстановки.

Определение тайности хищения дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», так в п. 2 и п 4 дается определение «Как тайное хищение чужого имущества (кражу) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо, хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако, виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества.

Если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий либо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества»[1].

Из вышеизложенного следует, что хищение признается тайным, если оно с точки зрения виновного, происходит незаметно для окружающих, при квалификации содеянного по ст. 158 УК РФ следует принимать во внимание субъективное восприятие виновным лицом обстановки и его умысел действовать тайно.

Принято выделять четыре признака тайного хищения:

1) если оно совершено в отсутствие потерпевшего или посторонних для виновного лиц;

2) в их присутствии, но незаметно для них;

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2.

3) в их присутствии при условии, что виновный этого не осознавал, считая, что действует тайно;

4) в присутствии знакомых лиц, но когда виновный рассчитывает на то, что он не встретит противодействия с их стороны.

Следует отметить, что в доктрине предлагают заменить термин «тайное» на термин «скрытое», предполагая, что он «ближе по своему смысловому и логическому содержанию к тем противозаконным действиям, которые совершает преступник при похищении личного имущества граждан»[1].

Также, в науке уголовного право определение «тайности» дается с учетом объективного и субъективного критерия. Оба критерия должны совмещаться друг с другом. Объективный критерий способа означает, что тайным признается хищение, которое осуществляется незаметно для окружающих или в их отсутствии. Субъективный же критерий тайности характеризуется обстоятельствами, внешними по отношению к виновному[2]. Как уже было сказано, хищение будет признано тайным в случае, если наличествуют оба критерия, но на практике, как правило, руководствуются тем, что при признании хищения тайным, следует исходить из наличия субъективного критерия, как главного, объективного – как второстепенного.

При анализе судебно-следственной практики видно, что правоприменитель не всегда четко устанавливает признак тайности.

Обратимся к практике, так, Кемеровским районным судом Городилова Е.В. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, Городилова Е.В. воспользовавшись тем, что потерпевшая спит похитила принадлежавший потерявшей ноутбук[3]. Предельно простое преступление, не вызывающие затруднений при

---

[1] Пантюшин И.С.Кража имущества граждан: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф.дис….канд.юрид.наук. – Тамбов, 2009, С. 19

[2] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. – М., 2007, С. 239-246

[3] Дело №1-122—2017 Кемеровский районный суд города Кемерово. [Электронный ресурс] URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/548222.

квалификации, содеянное сочетает в себе и объективный, и субъективный критерии тайности.

Приговором Серовского городского суда от 21.05.2004 г. Черных был осужден по ст. ст. 111 ч. 4, 161 ч. 2 п. "а" УК РФ. Черных был признан виновным в том, что умышленно причинил тяжкий вред здоровью потерпевшего Д., опасный для жизни и повлекший смерть, а также в том, что открыто похитил у Д. имущество. Судебная коллегия по уголовным делам областного суда изменила приговор. В ходе дополнительной судебной экспертизы, проведенной в порядке ст. 207 УПК РФ, установлено, что при обнаруженных у потерпевшего Д. телесных повреждениях продолжительность дальнейшей жизни могла составить от 1 до 15 минут. При этом эксперт указал, что потерпевший испытывал болевой шок. Как следует из показаний свидетеля К., одежда у потерпевшего похищалась после нанесения ему телесных повреждений. При таких обстоятельствах достоверных доказательств открытого способа совершенного Черных хищения не установлено, и действия Черных подлежат переквалификации со ст. 161 ч. 2 п. "а" УК РФ на ст. 158 ч. 2 п. "а" УК РФ[1].

Как следует из приведенного примера, определение такого признака как тайность хищения, имеет значительную роль для правильной квалификации содеянного. Приведем еще один пример, приговором Советского районного суда города Новосибирска Р. был признан виновным в совершении преступления предусмотренного п. 3 ст. 30 УК РФ п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Р., проникнув на территорию ФГУП «Опытный завод» пытался похитить металлические изделия, однако, его действия были замечены охранником П. В ходе предварительного расследования, действия Р. были квалифицированы по п. 1 ст. 161 УК РФ, что по нашему мнению является не верным, так как изъятие произошло тайно, Р. исходя из материалов дела не

[1] Бюллетень судебной практики по уголовным и делам об административных правонарушениях Свердловского областного суда 2004г. [Электронный ресурс] URL:http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=7174#08985145942787854.

осознавал, что его действия были кем-то замечены и действовал тайно[1]. Так, органами предварительного расследования не учтены разъяснения Пленума ВС РФ, что привело к неправильной квалификации действий виновного. При изучении практики, можно сделать вывод, что субъективный критерий тайности не ставится во главу, при решении вопроса о квалификации содеянного, что противоречит как разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, так и доктрине.

Рассмотрим еще один пример неправильной квалификации содеянного, в силу неверного толкования разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Верховный Суд РФ, своим определением от 21.02.2006 №46-Д06-3 изменил приговор Сызранского городского суда от 8 июня 2004 года, определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 4 августа 2004 года, постановление президиума Самарского областного суда от 11 августа 2005 года в отношении С., В. и С.А., переквалифицировав их действия со ст. 161 ч. 2 п. "а" УК РФ на ст. 158 ч. 2 п. "а" УК РФ. При этом Верховный Суд РФ указал, что судами не были оценены показания законного представителя потерпевшего - В.В. в ходе следствия о том, что, присутствуя при проверке показаний осужденных С., С.А. и В. в квартире потерпевшего, осужденные показывали, что, когда они похищали имущество К., последний лежал на диване в комнате и спал, а также не исследовались в судебном заседании показания свидетеля Д. о том, что когда она пришла в квартиру потерпевшего, то увидела, что в квартире похищены вещи, однако о случившемся К. ничего не смог ей рассказать, и тогда она обратилась к родственникам потерпевшего[2]. Показания всех свидетелей, а также потерпевшего указывают на то, что виновные действовали тайно, они осознавали, что потерпевший спит и в силу этого не может пресечь их противоправные действия.

---

[1] Дело № 1-310/2018 Архив Советского районного суда города Новосибирска за 2017 год.

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2006 № 46-Д06-3 \\ [Электронный ресурс] – URL: https://www.lawmix.ru/vas/124333.

Еще одним обязательным признаком объективной стороны кражи является причинение ущерба, а установление его размера, как отмечалось ранее, влияет на квалификацию кражи. Законодатель выделяет в качестве квалифицированных составов кражу с причинением значительного ущерба потерпевшему, в крупном размере и особо крупном размере. Ущерб заключается в уменьшении наличного у потерпевшего имущества, которое в момент совершения кражи находилось у него во владении. Нами уже было упомянуто, что размер имущественного ущерба при краже определяется стоимостью похищенного имущества на момент совершения деяния. Так, по ч. 1 ст. 158 УК РФ квалифицируется кража, размер причиненного ущерба от которой варьируется между мелким хищением и кражей, причинившей значительный ущерб потерпевшему. Минимальный размер уголовно-наказуемой кражи должен составлять более 2 500 рублей. При размере ущерба от 1 000 рублей до 2 500 рублей, состав преступления отсутствует и деяние переходит в разряд административных правонарушений.

В настоящее время, при определении минимального размера ущерба, причиненного кражей, влекущего уголовную ответственность, практика руководствуется нормой ст. 7.27 Кодека Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которого хищение в форме кражи на сумму от 1 000 рублей (по ч. 1) или 2 500 руб. (по ч. 2) является мелким хищением и влечет за собой административную ответственность. Однако, следует отметить, что закон гласит, что для административной ответственности, необходимо, чтобы в деянии отсутствовали признаки, предусмотренные квалифицированными составами ст. 158 УК РФ.

Так, М., которая 06.04.2018 в находясь в квартире Т. из куртки, которой был накрыт потерпевший Т. похитила денежные средства в сумме 1 200 рублей[1]. Незначительный размер похищенного не изменил уголовно-правовую природу деяния, так как в действиях М. наличествовали признаки тайного хищения имущества из одежды, находящейся при потерпевшем.

[1] Архив 10 отдела полиции УМВД России по городу Новосибирску за 2018 год, уголовное дело № 11801500058001587.

Определение границ мелкого хищения, при котором в нем (мелком хищении) должны отсутствовать квалифицирующие признаки кражи, как видится автору, в некоторых случаях нарушает принцип справедливости. Как правило, при наличии такого квалифицирующего признака кражи как из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, размер похищенного незначительный, чаще всего, размер близок к мелкому хищению и варьируется от 1 000 рублей до 2 500 рублей. При таких условия, усиление ответственности за такое деяние неоправданно.

С учетом системности отечественного права и законодательства изменения коснулись и соответствующих положений уголовного закона. В частности, законодателем в 2016 году был введен состав мелкого хищения с административной преюдицией применительно к части 2 ст. 7.27 КоАП.

Заметным шагом на пути либерализации уголовного законодательства стали введение в УК РФ ст. 158.1 "Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию" и повышение порога уголовной наказуемости хищений с 1 тыс. до 2,5 тыс. рублей.

Принятие данных поправок явилось дополнительным поводом для разжигания спора об обоснованности и целесообразности существования в УК РФ института административной преюдиции. Многочисленная по объему партия его противников указывает на нарушение данным институтом принципа виновной ответственности, риск возрождения в уголовном праве концепции "опасного состояния личности", отсутствие юридических оснований привлечения лица к уголовной ответственности и др.

Сторонники административной преюдиции, напротив, стараются уйти от общих вопросов уголовно-правового регулирования, отмечая преимущества преюдиции в части решения отдельных задач.

Полагаем, что при отсутствии института уголовных проступков административная преюдиция является, пожалуй, одним из наиболее эффективных средств, позволяющих гибко дозировать объем правовой репрессии и предупреждать совершение повторных правонарушений.

Однако, представляется, что из-за наличия такой оговорки, как «при отсутствии в деянии признаков квалифицированного состава» институт административной преюдиции работает не в полном объеме, так как институт является относительно новым, в материалах судебной практики встречаются ошибки в юридической оценке данного правонарушения, а также преступления предусмотренного ст. 158.1 УК РФ. С целью правильного применения норм как административного, так и уголовного законодательства, следует усовершенствовать как теорию, так и практику регламентирующие ответственность за мелкое хищение.

Также следует отметить, что значительность причиненного ущерба определяется хоть и в твердой сумме, начиная от 5 000 рублей, но со значительной оговоркой, которую в своем разъяснении отмечает Пленум Верховного Суда РФ. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указано: «При квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба судам следует, руководствуясь примечанием 2 к статье 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. При этом ущерб, причиненный гражданину, не может быть менее размера, установленного примечанием к статье 158 УК РФ»[1]. При такое оговорке, очевидно, что значительность причиненного ущерба является относительной, субъективной категорией. Возникает вопрос, целесообразно ли, при наличии ответственности за кражу, вводить квалифицирующий признак, который определяется не в твердой денежной сумме, для всех случаев одинаковой, а совершенно субъективный. На практике неоднократно происходят случаи,

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2.

когда правоохранительные органы, объясняя потерпевшему значение категории «значительности» приходят к тому, что заявители отказываются от указания в заявлении значительного ущерба, при сумме реально причиненного ущерба от 5 000 рублей и выше. Автору видится, что целесообразнее было бы исключить данный признак из категории квалифицирующий, все деяния, совершенные без иных квалифицирующих признаков, с причинением реального ущерба более 2 500 рублей, относить к ч. 1 ст. 158 УК РФ, при этом, увеличив санкцию указанной статьи. Наказание за совершенное деяние, устанавливает суд, с учетом всех имеющихся обстоятельств, так, судом, на свое усмотрение, назначалось бы разное наказание за совершение простой кражи с причинением ущерба на сумму 3 000 рублей и на сумме 25 000 рублей. Видится, что исключение п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ из закона актуально в сегодняшних реалиях.

Определение стоимости похищенного имущества, как составляющей части экономического признака, является дискуссионным вопросом продолжительное время. Так, законодателем предусмотрено причинение значительного ущерба гражданину, кража в крупном и особо крупном размере. Представляется, что данная квалификация не совсем верна, так как в ней смешаны два понятия «размер хищения» и «ущерб от хищения». При квалификации кражи в крупном и особо крупном размере, основой для определения размера служит стоимость похищенного имущества . Какие либо иные критерии для определения размера похищенного отсутствуют, Пленум Верховного Суда РФ в разъяснениях судам указывает, что при определении стоимости похищенного имущества следует исходить «из фактической стоимости на момент совершения преступления». А при оценке ущерба, причиненного гражданину следует исходить не только из стоимости похищенного, но и учитывать имущественное положение потерпевшего.

Если с крупным и особо крупным размером причиненного ущерба не возникает проблем при квалификации действий виновного, то при решении вопроса о квалификации деяния по ч. 1 ст. 158 УК РФ или по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ возникает немало проблем. Значительность причиненного ущерба

гражданину в законодательстве определена, на наш взгляд, неоднозначно. Установление конкретной минимальной суммы для значительности ущерба является спорным вопросом. В современном мире, как справедливо заметил М.М. Нафиков, с учетом инфляции, рубль является крайне не постоянным, а также доходы значительной части населения ниже прожиточного минимума . Вопрос значительности причиненного ущерба следует решать в каждом конкретном случае индивидуально. Установить границу «значительности» в твердой сумме видится не верным. Возможно, оптимально было бы учесть прожиточный минимум на душу населения, но все также с учетом имущественного положения гражданина.

Автору видится, что квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, как оценочный критерии предмета хищения, не целесообразен в действующем Уголовном законе, при сложившейся экономической ситуации в стране. Так, предлагается, исключить из Уголовного кодекса РФ квалифицирующий признак кражи «с причинением значительного ущерба гражданину», при этом, увеличить наказание за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158 УК РФ и отнести причинение значительного ущерба к простой краже, при стоимости похищенного от 2 500 рублей, при условии, что отсутствуют иные квалифицирующие признаки данного состава.

При анализе судебной практики видно, как действия виновного квалифицированные по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ во многих случаях переквалифицированы судами на простую кражу. Такое происходит в связи с тем, что органами предварительного расследования и судами первой инстанции, в некоторых случаях игнорируется разъяснения Пленума ВС РФ, что и ведет к неверной квалификации.

При вменении квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ учитывается имущественное положение гражданина, как предписывает Пленум Верховного Суда, однако, такая практика сложилась лишь в последние 2 года, ранее, все приговоры провозглашались лишь по сумме, что противоречит закону. Однако, наличие кредита или

несовершеннолетнего ребенка не может напрямую указывать на значительность ущерба причиненного преступлением. Следует также устанавливать происхождение похищенного имущества у собственника, его стоимость и связь между имущественным положением потерпевшего, стоимости похищенного имущества, а также источником средств на приобретение этого имущества.

Так, Верховный Суд РФ переквалифицировал действия К. на ч. 1 ст. 158 УК РФ. Установив, что в составе группы К. не похищал набор инструментов стоимостью 580 рублей, поэтому К. не может нести уголовную ответственность за хищение этого набора. Суд установил, что стоимость похищенного К. совместно с другими осужденными имущества составляет 2200 рублей.

Согласно п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ (в редакции ФЗ РФ от 08.12.2003) значительный ущерб гражданину в статьях главы 21 УК РФ определяется с учетом имущественного положения, но не может составлять менее двух тысяч пятисот рублей. При таких обстоятельствах действия К. подлежат переквалификации со ст. 158 ч. 2 УК РФ на ст. 158 ч. 1 УК РФ (в редакции ФЗ РФ от 08.12.2003) .

Приговором Кировского районного суда города Омска от 28.09.2009 судом исключен из объема предъявленного обвинения квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину». В связи с тем, что стоимость похищенного телефона составляла 40 000 рублей, при этом потерпевший утверждал, что причиненный преступлением ущерб является для него значительным. Органами предварительного расследования было установлено, что потерпевший является безработным. Однако, суд проверив доводы установил, что потерпевший является ИП и его прибыль значительно превышает стоимость похищенного имущества, в связи с чем суд принял решение о переквалификации действий виновного. Нам видится, что связь между источником приобретения похищенного имущества и значительности причиненного ущерба следует устанавливать во всех случаях вменения данного квалифицирующего признака.

Приведённые примеры еще раз подтверждают нашу позицию относительно того, что квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ носит оценочный характер и излишне вменяется виновным на предварительном расследовании, без установления имущественного положения потерпевшего, как предписывает закон.

Автору видится, что исключение данного пункта приведет к упорядочению работы системы предварительного расследования и не нарушит принцип справедливости, установленный уголовным законом.

Следующим важным аспектом объективной стороны является правильное определение момента окончания совершенного противоправного деяния имеет уголовно-правовое значение для квалификации совершенного преступления.

Кража относится к числу материальных составов преступления и считается оконченной с момента получения виновным реальной возможности распоряжаться похищенным имуществом. В случае, когда имущество выносится по частям, и виновный задерживается, не успев завладеть похищаемым полностью, квалификация деяния как оконченного преступления будет зависеть от того факта, насколько лицу удалось реализовать свой умысел относительно размера похищенного.

Попов и Карабанов, подъехав к дачному участку в СНТ «Виктория», попросили водителя подождать их за калиткой, пока они возьмут вещи, который принадлежат Попову, зашли на территорию дачного участка, откуда начали выносить, находящиеся на участке металлические ванны для воды, принадлежащие потерпевшей. Сотрудники полиции, получившие информацию о совершаемой краже, незамедлительно прибыли на место происшествия, где наблюдали за тем, как Попов и Карабанов выносят металлические ванны для воды. После того, как две металлические ванны для воды были вынесены за территорию дачного участка, Попов и Карабанов начали их погрузку в автомобиль, загрузив первую металлическую ванну для воды, Попов заметил автомобиль, после чего. Они с Карабановым сели в

машину, в которую успели загрузить одну металлическую ванну для воды и попытались скрыться, однако, были задержаны сотрудниками полиции.

Действия Попова и Карабанова были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В суде действия Попова и Карабанова были расценены как покушение на кражу группой лиц по предварительному сговору, поскольку виновными не выполнена объективная сторона в полном объеме по независящим от них обстоятельствам[1].

Следует отметить, что на признание кражи оконченной влияет и местонахождение похищенного имущества. Необходимо учитывать, находится ли имущество на охраняемой территории или нет. При условии, что имущество находится на неохраняемой территории, то преступление считается оконченным с момента завладения имуществом, но при условии, что у виновного лица имелась реальная возможность распорядится им по своему усмотрению.

В случае, если территория, с которой совершается кража, охраняемая, то кража считается оконченной с момента выноса имущества за пределы охраняемой территории, в противном случае, деяние будет расценено как покушение на кражу.

Показательным примером может служить уголовное дело, рассмотренное в 2017 году Ленинским районным судом г. Барнаула. Так, Вольных Р.А. признан виновным по двум эпизодам преступной деятельности, совершенным при следующих обстоятельствах. Вольных Р.А., перелез через забор, то есть незаконно проник на охраняемую территорию где, убедившись, что действует тайно, имея свободный доступ к чужому имуществу, на автомобиле «Газель» подъехал к чугунно-литейному цеху ОАО. После чего, Вольных Р.А., незаконно проникнув на охраняемую территорию, воспользовавшись тем, что вокруг никого нет и за его преступными действиями никто не наблюдает, стал брать и загружать в автомобиль, то есть похищать имущество, принадлежащее ОАО. Однако

[1] Архив Федерального суда общей юрисдикции Советского района города Новосибирска за 2018 год. Дело №1-31/19(№1-338/19)

свой преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества Вольных Р.А. до конца довести не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку был замечен на месте преступления контролерами контрольно - пропускного пункта Общества с ограниченной ответственностью. Опасаясь задержания, Вольных с места преступления скрылся на автомобиле «Газель». Действия Вольных Р.А. суд квалифицировал как покушение на кражу с проникновением в помещение или иное хранилище.

Как видно из приведенного примера, виновный не имел возможности распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению или воспользоваться имуществом, изъятым из хранилища, в связи с этим, действия лица подлежат квалификации как неоконченное преступление, так как виновный не успел вывезти похищаемое имущество за территорию охраняемого склада.

По второму эпизоду преступной деятельность Вольных Р.А. был осужден уже за оконченное преступление, ответственность за которое предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Вольных Р.А. проник на территорию охраняемого где похитил 4 жильных кабеля, принадлежащих ОАО, после чего вынес похищенные кабели с территории ОАО и скрылся с похищенным имуществом, распорядившись им по своему усмотрению[1].

При определении момента окончании кражи необходимо учитывать такое свойство имущества, как возможность его употребления непосредственно на месте совершения преступления. Речь одет непосредственно о продовольственных товарах. Определение момента окончания таких краж крайне актуально на сегодняшний день, так как в ходе изучения судебно-следственной практики было установлено, что предметом хищения в 25 % процентах случаев выступают продукты питания.

---

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула №1-122/2017 от 17 мая 2017 г. По делу № 1-122/2017 [Электронный ресурс] – URL: https://sudact.ru/regular/doc/t0fvSoJvbBNp/

В случае, когда виновный находится в помещении супермаркета, завладевает продовольственными товарами и потребляет их в помещении магазина, деяние следует расценивать как оконченное преступление. Если же виновный не успел употребить часть продуктов питания, поскольку он был замечен сотрудниками магазина или иными лицами, деяние следует квалифицировать как оконченное преступление. Нередки случаи краж в супермаркетах и иных продовольственных магазинах, когда виновное лицо пытается скрыться с похищенным товаром. Существует мнение, что в таком случае, деяние следует рассматривать как оконченное преступление в случае, если виновное лицо вышло из помещения магазина, а как покушение на кражу в случае, если лицо задержано на расчетно-кассовом узле, при выходе из магазина.

В советский период доктрина выделяла три вида окончания хищения:

1) теория изъятия, что означает, что хищение окончено с момента изъятия имущества из законного владения собственника;
2) концепция завладения, предполагающая, что изъятое имущество перешло в обладание виновного лица;
3) версия распоряжения, предполагающая, что момент окончания хищения предполагает наличие реальной возможности распорядиться имуществом по своему усмотрению[1].

Как вывод из вышеизложенного, следует, что в современной науке и практике преобладает мнение, согласно которого момент наступления имущественного вреда, а значит и момент окончания кражи, совпадает с моментом появления у виновного реальной возможности воспользоваться и распорядиться похищенным имуществом[2].

По отношению к краже с охраняемой территории, следуя «теории изъятия», предлагается считать преступление оконченным, с момента изъятия имущества, факт сокрытия имущества на территории охраняемого

---

[1] Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. С. 35.
[2] Медведев Е.В. Момент окончания хищения в уголовном праве России // Российский судья. 2011. № 8. С. 12.

объекта или попытку вынести его с территории нужно рассматривать как оконченное преступление. А если же рассматривать аналогичную ситуацию с позиции «теории распоряжения» оконченный состав отсутствует.

Судебно-следственная практика, все же придерживается «теории распоряжения», как видно из приведенных выше примеров.

Теоретики уголовного права, предлагают исходить из свойств похищаемых предметов (при решении вопроса о моменте окончания преступления при тайном хищении с охраняемых территории). Как считает В.В. Братанов, когда имеется возможность укрытия имущества в одежде или на теле, виновный приобретает реальную возможность распорядиться этим имуществом уже на территории охраняемого учреждения или же вынести незаметно для окружающих[1].

При наличии в науке нескольких подходов к решению вопроса о моменте окончания тайного хищения чужого имущества, в судебной практике и правоохранительных органах по-прежнему существует неоднозначное мнение. Так, одни суды признают оконченным преступление при задержании виновного лица на выходе с охраняемой территории или при задержании на расчетно-кассовом узле продовольственного магазина, другие, квалифицируют действия лиц, задержанных при таких же обстоятельствах как покушение на кражу.

Еще одним обязательным признаком кражи является наличие причинной связи между совершенным деянием, выразившемся в противоправных, активных действиях виновного лица, направленных на изъятие и обращение чужого имущества в свою пользу или в пользу иных лиц и наступившими общественно-опасными последствиями в виде причинения реального имущественного вреда собственнику или иному владельцу имущества[2].

---

[1] Братанов В.В. Хищение культурных ценностей: уголовно-правовые и криминалистические аспекты: Дис. … канд. Юрид. Наук. Нижний Новгород, 2001. С. 72

[2] Шурухнов Н.Г. Расследование краж: Практическое пособие. М., 1999. С. 5.

По рассматриваемой в настоящем исследовании категории дел, установление причинной связи на практике не вызывает никаких затруднений, в силу ее очевидности. В случае, если имеет место доказанный факт изъятия чужого имущества и причинение в результате этого изъятия реального ущерба, вопрос о наличии причинной связи решается положительно, без возникновения трудностей. Как правило, причинная связь развивается по следующей последовательности: преступное воздействие на похищаемый предмет, затем происходит изъятие из владения собственника или иного владельца, результатом которого является причинение имущественного вреда потерпевшему, а также причинение вреда отношениям собственности.

Своеобразие кражи по объективной стороне, прежде всего, заключается в способе ее совершения. Некоторые способы совершения краж указаны законодателем в качестве квалифицирующих признаков, например, кража с проникновением в жилище. Введение в состав кражи данного квалифицирующего признака вполне обосновано, такие действия виновных существенно повышают общественную опасность содеянного.

В 2018 году в состав кражи введен такой квалифицирующий признак как кража с банковской карты, а равно в отношении электронных денежных средств. Необходимость криминализации данного деяния, прежде всего, вызвана внедрением в жизнь новых технологий. На практике, до вступления п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в законную силу возникала проблема доказывания направленности умысла на совершение хищения с использованием банковской карты определённым способом и в определенных размерах. Норма крайне схожа с мошенничеством, совершенном с использованием платежных карт, законодатель, вводя в закон новеллу сделал оговорку, согласно которой, хищение признается кражей с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, при отсутствии в деянии признаков мошенничеств, ответственность за которое предусмотрена ст. 159.3 УК РФ.

Кража с банковской карты до настоящего времени является спорным составом. Многие практики не видят принципиального различия этого деяния с мошенничеством. На наш взгляд, наиболее существенное различие кроется в объективной стороне состава.

Согласно ч. 1 ст. 158 УК РФ кражей признается тайное хищение чужого имущества. Такой признак как тайность был рассмотрен нами ранее. При краже предполагается, что виновный не входит в контакт с потерпевшим и имущество изымается без фактического участия потерпевшего или иных лиц. Именно этим, как нам видится, было обусловлено введение комментируемого пункта в статью 158 УК РФ. Ведь фактически, при мошенничестве, виновный входит в контакт с потерпевшим или иным лицом. Пленум Верховного суда РФ в своих разъяснениях указывает, что не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае, содеянное следует квалифицировать как кражу. Мы поддерживаем точку зрения высказанную Пленумом Верховного Суда РФ. До 2018 года хищение банковских карт, с последующим снятием с нее денежных средств квалифицировалось судами и следственными органами, при условии тайности хищения, в зависимости от причиненного держателю банковской карты ущерба.

Лицо, при совершении хищения с банковской карты, при условии отсутствии контакта с потерпевшим, действует тайно, а также, виновный производит все действия с механическим устройством, с банкоматом или терминалом оплаты, а не входит в контакт с потерпевшим и не воздействует на его волю.

До настоящего времени не выработана единая практика по тайному хищению денежных средств с банковского счета.

Как уже отмечалось ранее, введение нового квалифицирующего признака обусловлено шагом общества вперед. Однако, автору

представляется, что тяжесть наказания за совершение данного деяния не соразмерна с общественной опасностью деяния. Способ совершения преступления, как правило, выражен в тайном хищении банковской карты, при краже кошелька из сумки или путем свободного доступа в отсутствие в непосредственной близости собственника, после чего виновный снимает денежные средства с банковского счета через банкомат, либо рассчитывается картой за товар. Изученная судебная практика показывает, что еще до введения нормы в действие, способы хищения денежных средств оставались примитивными. Так, например, по приговору Коркинского районного суда (Челябинская область) Башарина И.П. была признана виновной в совершении преступления предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, совершенного при следующих обстоятельствах: Башарина И.П. находясь в гостях у своей знакомой, воспользовавшись тем, что последняя спит, завладела банковской картой «ПАО Сбербанк России», принадлежащей потерпевшей, после чего пришла в магазин и рассчиталась за покупку путем оплаты через терминал, получив тем самым доступ к счету банковской карты[1]. На взгляд автора, данная квалификация вполне отражает и способ совершения кражи, и обусловлено общественной опасностью содеянного.

Безусловно, деяние общественно-опасно и крайне актуально в настоящее время, однако, как правило, размер причинённого ущерба не дотягивает даже до значительного. В 10 отделе по расследованию преступлений на обслуживаемой территории города Новосибирска СУ УМВД России по городу Новосибирску находилось уголовное дело, возбужденное по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, по факту того, что неустановленное лицо, со счета банковской карты, путем оплаты товаров в супермаркете «Ярче», похитило денежные средства М. в сумме 587 рублей 51 копейка[2]. Как видно из приведенного примера, сумма причиненного

---

[1] Приговор №1-106/2017 от 28 июня 2017 по делу № 1-106/2017 // [Электронный ресурс] – URL: https://sudact.ru/regular/doc/6zpTy3dYs0Vr/

[2] Архив Отдела полиции №10 «Советский» УМВД России по городу Новосибирску за 2019 год. Уголовное дело №11901500058000587

ущерба, при отсутствии в законе особо квалифицированного состава, расценивалась бы как мелкое хищение.

Как отмечает Верховный Суд, подключение к чужому «мобильному банку» или любой системе интернет-платежей будет также считаться кражей, если похититель при этом не использовал для входа компьютерные вирусы или программы для взлома. В случае использования «мобильного банка» повышается общественная опасность деяния, так как виновный видит реальную сумму денежных средств, находящихся на банковском счете, когда же при краже банковской карты похититель идет «Ва-банк». Но и в данном случае, как представляется, целесообразнее квалифицировать деяние как кражу с причинением значительного ущерба, крупного или особо крупного размера соответственно.

Введение данной нормы, хоть и обусловлено социально-экономическим фактором, но видится автору нецелесообразным. Следственные органы, а также суды, при хищении денежных средств с банковской карты, при отсутствии контакта с потерпевшим, квалифицировали деяние как кражу с причинением соответствующего ущерба.

Рассмотренный в первом параграфе приговор в отношении Устюжанина О.А., где суд квалифицировал действия виновного по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, видятся нам, простой кражей, так как при выполнении объективной стороны, Устюжанин О.А. не производил никаких манипуляции для изъятия денежных средств с данной карты, потерпевший, не догадываясь о намерениях Устюжанина О.А. похитить с его банковской карты денежные средства, добровольно сообщил ПИН-код от принадлежащей ему кредитной карты. Следовательно, хищение по – прежнему остается тайным для потерпевшего. При таких действиях виновного, видится, что его действия должны быть квалифицированы как простая кража, либо кража с причинением значительного ущерба потерпевшему, в зависимости от суммы похищенных денежных средств.

В случае же, когда для кражи денежных средств с банковского счета, виновный использует «мобильный банк», общественная опасность деяния повышается в разы. Следовательно, за кражу с банковского счета с использованием сервиса «мобильный банк» ответственность должна быть в разы выше.

Приговором Октябрьского районного суда города Барнаула был осужден Щукин Н.Н. за совершение кражи, то есть хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину, с банковского счета (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159. 3 УК РФ) при следующих обстоятельствах:

Щукин Н.Н., находясь в автомобиле «Тойота Королла» обнаружил оставленный там Б. и принадлежащий последней сотовый телефон «LG K3».

Далее Щукин Н.Н. проверил содержимое указанного выше сотового телефона и обнаружил, что к абонентскому номеру его сим-карты подключена услуга «Мобильный банк» ПАО «Сбербанк России».

В этой связи у Щукина Н.Н. в возник преступный умысел, направленный на хищение денежных средств, принадлежащих Б., находящихся на банковском счете, открытом на имя последней с причинением ей значительного материального ущерба, посредством перевода денежных средств с использованием сотового телефона Б. с ее банковского счета на банковский счет Щукина Н.Н.

Щукин Н.Н., воспользовавшись тем, что за его преступными действиями никто не наблюдает и не сможет помешать осуществлению задуманного, используя сотовый телефон «LG K3» и подключенную к абонентскому номеру его сим-карты услугу «Мобильный банк», отправил смс-сообщение на номер «900» с текстом «перевод», указанием номера банковской карты №, оформленной на его имя и сумму денежных средств в размере 8000 рублей, в результате чего осуществил операцию по переводу с банковского счета №, открытого на имя Б. на банковский счет №, открытый на имя Щукина Н.Н. денежных средств в сумме 8000 рублей, принадлежащих Б., тем самым противоправно безвозмездно изъял их и

обратил в свою пользу, то есть похитил. В результате умышленных преступных действий Щукина Н.Н. с банковского счета Б. произошло списание денежных средств в сумме 8000 рублей и их зачисление на банковский счет Щукина Н.Н.[1]

Предлагаем, не исключая п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ из закона, указать, в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ на способ совершения преступления. Так, при краже денежных средств с банковской карты, в случае, когда потерпевший добровольно сообщил ПИН-код виновному, квалифицировать действия как кражу с причинением соответствующего ущерба. В случае же использования сервиса «Мобильный Банк», квалифицировать деяние как кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Нужно обратить внимание на недостатки современного уголовного закона при изложении квалифицирующего признака тайного хищения *“из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем”* (п. "г" ч. 2 ст. 158 УК). Связь с обстановкой совершаемого преступления ограничилась лишь указанием на предметы, которые находятся при потерпевшем[2]. Несовершенство предложенной юридической конструкции нормы привело к возможности ее неоднозначного, "искаженного" толкования, необоснованного смягчения ответственности за более опасные действия, чем "обычная" кража[3].

Представляется, что квалифицирующим признаком хищения должна выступать обстановка совершаемого преступления в общественном месте, в транспорте[4]. Как правило, именно там присутствует значительное количество посторонних лиц либо такие места оборудованы камерами фото- и

---

[1] Приговор №1-433/2018 от 28 сентября 2018 г. // [Электронный ресурс] – URL: https://sudact.ru/regular/doc/6yRCdmT1D7xJ/ .

[2] Яни П.С. Кража из одежды, сумки и другой ручной клади // Законность. 2016. N 5. С. 34 - 37.

[3] Башков А.В. Кража имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем: спорный вопрос квалификации // Российский юридический журнал. 2014. N 6. С. 70-75.

[4] Колоколов Н. Карманная кража // ЭЖ-Юрист. 2015. N 42. С. 3.

видеонаблюдения. Поэтому хищение в указанных местах подчеркивает дерзость преступления, и, следовательно, должно влечь более строгое наказание, чем "обычная" кража.

Признание в качестве особо квалифицирующего признака *незаконного проникновения в жилище* при краже обусловлено наличием факультативных объектов данного преступления, таких, как, например, частная жизнь.

Дефиниция “жилище” дана законодателем в примечании к статье 139 УК РФ. Данное определение оставило открытыми вопросы такого характера: возможно ли считать жилищем помещение жилого фонда, но не пригодного для проживания в связи с его аварийным состоянием? Общие больничные палаты? Дачи в зимний сезон, когда стоят заколоченные? и т.д.

Представляется, что вопрос отнесения помещения к жилищу должен разрешаться на основе четких критериев. Ими могут выступать следующие признаки:

- во-первых, основное предназначение помещения – это проживание людей постоянного или временного характера;
- во-вторых, оно способно обеспечивать неприкосновенность частной жизни[1]. Исходя из этих критериев, например, общую больничную палату признать жилищем уже невозможно, так как проживание в ней больных не является основным ее предназначением. Между тем, квартиры в заселенном, но не принятом еще в эксплуатацию жилом доме следует оценивать как жилище.

Приведем пример незаконного проникновения с целью кражи в жилище и в хранилище. Так, *подсудимый Каминский А.О., в период времени с 18.00 часов до 08.00 часов , умышленно, противоправно, с целью хищения чужого имущества из дачного дома ФИО5, надавил с силой на ворота, ведущие на огороженную территорию дома.*

[1] Акинина Н.Ю. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2014. С. 66 - 72.

Через образовавшийся проем подсудимый рукой, отодвинув запорное устройство в виде металлической щеколды, незаконно, с целью хищения чужого имущества проник на территорию указанной усадьбы дома.

Затем при помощи принесенного с собой хозяйственного ножа, вырезал фрагмент нижней части пластиковой входной двери и через образовавшийся проем незаконно, с целью хищения чужого имущества, проник в указанный дом, откуда умышленно, из корыстных побуждений похитил имущество принадлежащее ФИО5.

После чего Каминский А.О. в продолжение своего преступного умысла, направленного на хищение чужого имущества, выйдя из указанного дома, находясь на огороженной территории, прошел к помещению мастерской, где при помощи имеющегося у него ножа, также вырезав фрагмент нижней части входной двери в мастерскую, расположенный в правой ее части, через образовавшийся проем незаконно проник в мастерскую. Оттуда подсудимый тайно, из корыстных побуждений, также похитил чужое имущество.

Затем он подогнал автомобиль, к ограде дома, стал складывать в него имущество, которое оставил возле ограды. Составив все имущество в автомобиль, он уехал в комиссионный магазин «Бармалей». Он знал, что данный магазин работает круглосуточно и в нем принимают бытовую технику и инструмент. В настоящее время он понимает, что он совершил преступление, раскаивается, ущерб обязуется полностью возместить в ближайшее время[1].

Одним из особо квалифицирующих признаков кражи является «кража, совершенная из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода».

Нефтепроводы, нефтепродуктопроводы и газопроводы - термины, которым в законодательстве пояснения не дается. В теории же они определяются как комплекс сооружений, предназначенный для передачи на расстояние нефти, нефтепродуктов и газа соответственно[2].

---

[1] Приговор Кожевниковского районного суда Костромской области от 19 декабря 2016 г. по делу № 1-74/2016

Спецификой такой квалифицированной кражи будет являться предмет, а также способ ее совершения.

Сложностью является наличие в примечании 3 ст. 158 УК РФ у понятия хранилища категории «трубопроводы». Безусловно, трубопровод является более общим понятием по отношению к нефтепроводу, нефтепродуктопроводу и газопроводу. Эту проблему следует решать, по мнению исследователей, по правилам конкуренции норм, согласно которому, при наличии общей и специальной норм, применению подлежит специальная[1].

Стоит выделить еще одну особенность данного признака, по сравнению с «проникновением в помещение или иное хранилище». Тут в отличие от вышеуказанного признака, действия, причинившие ущерб нефтепроводу, нефтепродуктопроводу и газопроводу квалифицируются дополнительно (Постановление Пленума Верховного суда «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»)[2].

Подводя итог рассмотрению объективных признаков кражи можно сделать следующие выводы:

1. Предмет кражи, является важнейшим элементом отношений собственности и в значительной мере определяет наличие преступного деяния, его общественную опасность и ее степень. Предмет кражи исключает право на имущество, следовательно, он значительно уже предмета хищений.

---

[2] Шнайдер А.В. К вопросу о краже, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода // Вестник молодого ученого Кузбасского института ФСИН России Сборник научных статей. Ответственный редактор А.Г. Чириков. Новокузнецк, 2017. С. 109-110.

[1] Сирик М.С. Признаки объективной стороны кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода // Условия, императивы и альтернативы развития современного общества: экономика, управление, социономия, право Материалы международной научно-практической конференции / под ред. Е.В. Королюк. 2016. С. 106-110.

[2] Ермакова О.В. Законодательная конструкция состава кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. "б" ч. 3 ст. 158 УК РФ) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С. 85-86.

2. Предмет преступления при краже рассматривается не только как факультативный признак объекта преступления, но и как конструктивный, самостоятельный признак состава, который в значительной мере влияет на квалификацию.
3. Хищение признается тайным с учетом объективных и субъективных критериев, характеризующих способ совершения кражи. К объективному критерию относится отношение собственника, владельца или иного лица к факту совершаемого преступного посягательства. Субъективный критерий характеризует отношение к совершаемому хищению самого виновного.
4. Оценочный признак значительности ущерба подлежит исключению из уголовного закона.
5. Тайное хищение денежных средств с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, следует квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ только в случае совершения деяния при помощи «мобильного банка», в случае, сообщения виновному ПИН-кода от банковской карты потерпевшим добровольно, при последующей краже денежных средств с банковской карты через банкомат или путем оплаты товаров или услуг, действия лица следует квалифицировать с учетом причиненного собственнику ущерба. В связи с этим, внести соответствующие разъяснения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое".
6. Кража должна признаваться оконченной с момента изъятия имущества, независимо от дальнейших намерений виновного и наличия реальной возможности распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению, поскольку ущерб собственнику причиняется с момента фактического изъятия имущества.

Глава 2 «Субъективные признаки кражи».

2.1 Субъект кражи

Субъективными признаками кражи является субъект и субъективная сторона. Субъект преступления является одни из центральных понятий уголовного права. Субъект относят к научной категории. Например, А.В. Панин утверждал, что «субъект преступления – это источник целенаправленной активности, носитель практической деятельности, оценки и познания»[1].

Проблема субъекта кражи ни в научной литературе, ни у правоприменителей не вызывает дискуссий, так как к раже применительно все признаки субъекта преступления в целом.

Субъект преступления это обязательный элемент состава. Признаки субъекта закреплены в уголовном законе. Ими являются физические лица, совершившие запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, способные нести за них уголовную ответственность[2]. Последнее, согласно ст. 19 УК РФ, определяется возрастом, с которого наступает уголовная ответственность за совершение преступления, а также вменяемостью.

В литературе под вменяемостью понимают способность лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими[3].

Рассмотрим возрастные признаки субъекта кражи чужого имущества. Исходя из определённого уровня сознания и социального развития личности, действующее уголовное законодательство устанавливает, что по общему правилу уголовная ответственность наступает по достижении шестнадцатилетнего возраста. Согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. В случае совершения отдельных

---

[1] Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1981. С. 85.
[2] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 179.
[3] Павлов В.Г. Субъект преступления в уголовном праве. М.: Герда. 1998. С.74.

видов преступлений, общественная опасность которых осознается в более раннем возрасте, уголовной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения преступления четырнадцати лет. Кражу относят именно к числу таких преступлений.

И так, возраст уголовной ответственности за совершение тайного хищения чужого имущества, установленный законодателем, ниже общего предела и составляет 14 лет. Некоторые ученые не разделяют точку зрения законодателя, в частности С.А. Абдразаков считает, что подростки в возрасте 14 лет хотя и осознают недопустимость краж, однако, не могут в полной мере осознать общественную опасность свой действий и наступающих после этого вредных последствий.

На наш взгляд, целесообразно было бы признать, что субъект кражи является не общим, а специальным. Так, общим субъектом признается физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Как было указано ранее, уголовная ответственность за совершение тайного хищения чужого имущества наступает с 14 лет, не смотря на это и установление в законе возраста общего субъекта преступления 16 лет, в юридической литературе принято относительно к краже применять понятие общий субъект. Позволим себе не согласиться с данной точной зрения, если для кражи, возраст уголовной ответственности установлен с 14 лет, в качестве исключения из общего правила, то следует признавать исследуемое деяние совершенное специальным субъектом. Такой же позиции придерживаются некоторые ученые, в том числе профессор В.В. Векленко[1]. Кроме того, следует отметить, что наша позиция не противоречит уголовно-правовой теории субъекта. Из вышеизложенного следует, что преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ можно рассматривать как преступление совершенное специальным субъектом.

Анализ ранее действовавшего уголовного законодательства, показывает, что на разных этапах истории не всегда содержались

[1] Векленко В.В., Красуцких Л.В. Особенности субъекта хищения необходимо учитывать при конструкции санкции \\ Вестник ЮУрГУ, №5, 2006. С. 113-115.

однозначные нормы о возрастном признаке субъекта преступления. В 1935 году за совершение кражи ответственность наступала в двенадцатилетнем возрасте[1].

При изучении исторической эволюции возрастного критерия, стоит отметить, что положения ныне действующего законодательства весьма обоснованы. Во-первых, установление четырнадцатилетнего возраста уголовной ответственности за совершение кражи, обусловлено широкой распространенностью данного вида преступного посягательства в современном обществе среди несовершеннолетних. Во – вторых, с этого возраста лицо в силу своего психофизиологического развития в состоянии контролировать свои действия и в полной мере осознавать общественно опасный характер своих действий, предвидеть их возможные последствия.

Проведенное нами исследование, показало, что кражи совершаются и лицами, не достигшими четырнадцатилетнего возраста. В силу того, что они не могут быть субъектами преступления, к ним применяются иные меры ответственности. Совершение краж лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности свидетельствует о том, что характер данного преступления осознается несовершеннолетними. Изучение законодательства зарубежных стран показало, что не во всех государствах уголовная ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста. Так, например, в Англии уголовная ответственность наступает с 10 лет, а в Швейцарии существует разделение молодых людей на 4 возрастные категории, к каждой возрастной группе применяются меры уголовно-правового характера в зависимости от возраста.

Возраст лица определяется на момент совершения преступления. Поэтому в некоторых случаях важное значение имеет час или даже минута совершения преступления. При этом в соответствии с установленными правилами лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности на следующий после даты рождения день (после ноля часов следующих

[1] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952. – М., 1953. С. 381-382.

суток). Если же документально возраст правонарушителя установить невозможно (по причине отсутствия документов), его возраст может быть определен путем назначения соответствующей экспертизы.

При этом лицо считается достигшим возраста уголовной ответственности в последний день, которые установлены экспертизой.

В сложившейся современной ситуации, автору представляется, что возрастной порог субъекта кражи стоило бы снизить до достижения двенадцатилетнего возраста. В данном возрасте подросток способен осознавать, что совершает противоправное деяние. Согласимся, не гуманно лишать свободы несовершеннолетнего в возрасте 12 лет, однако, следовало бы к такой категории лиц применять меры уголовно-правового воздействия не связанные с изоляцией от общества. Меры принудительного-воспитательного характера, исправительные работы, установление особого наблюдения и др. Во- первых, на наш взгляд, значительно снизится процент краж, совершаемых несовершеннолетними в продовольственных магазинах, во-вторых, данная мера позволит предупредить преступность среди несовершеннолетних.

Помимо достижения виновным лицом определенного возраста, обязательным признаком субъекта кражи является вменяемость.

Определения вменяемость уголовный закон не содержит. Данное обстоятельство разработано теорией уголовного права. Так, например. Г.В. Назаренко пояснял, что вменяемость имеет социально – психологическую характеристику, которая выражается «в уровне интеллектуального развития, в обладании лицом определенными волевыми свойствами, способностью мотивировать свои действия и нести за них ответственность»[1]. Другие рассматривают вменяемость лица как способность осознавать и руководить своими действиями во время совершения преступления[2].

---

[1] Назаренко Г.В. Невменяемость в уголовном праве. – Орел, 1993. С. 12.

[2] Михеев Р.И. Проблема вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Изд. Дальневосточного Университета. 1983. С. 49.

Структурным элементом вменяемости являются интеллектуальный и волевые свойства лица. Данные категории характеризуют состояние основных психических способностей лица – сознания и воли. Интеллектуальный признак заключается в способности лица сознавать характер и общественную опасность своих действий и причиненных ими последствий, а волевой – в способности руководить своими действиями. Н.С. Лейкина отмечает, что вменяемость это правовое понятие, которое характеризует состояние интеллекта и воли лица по отношению к конкретному преступлению.

Еще одним необходимым критерием, раскрывающим сущность невменяемости является медицинский критерий, который включает в себя биологический и психиатрический аспекты.

Медицинский критерий включает в себя различные состояния психики. Условно они разделены на четыре группы: хроническое психическое расстройство; временное психическое расстройство; слабоумие; иное болезненное состояние психики.

К хроническим расстройствам психики, как болезням исключающим вменяемость лица следует относить трудноизлечимые или неизлечимые психические заболевания, протекающие длительное время.

Временное психическое расстройство – психические заболевания, протекающие скоротечно и заканчиваются полным выздоровлением, они внезапно возникают и довольно быстро прекращаются[1]. К слабоумию относят существенный недостаток психики, выражающейся в недоразвитии или ослаблении умственных способностей в результате различных психических аномалий[2]. Иное болезненное состояние психики это собирательное понятие, которое включает в себя все иные болезненные состояния психики, которые могут повлечь неспособность лица принимать решения и руководить своими действиями.

---

[1] Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в системе уголовного права Российской Федерации \\ Адвокат, 2013, № 5, С. 28-31.

[2] Яни П.С. Сложные вопросы субъективной стороны преступления \\ Российская юстиция, 2012, №12, С. 47.

Таким образом, вменяемость прежде всего это признак человека, обладающего психическим здоровьем, что прямо говорит о том, что этот субъект способен осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, а также руководить ими во время совершения общественно опасного деяния и в связи со всем изложенным нести уголовную ответственность.

В уголовном законе закреплено понятие невменяемости. Так, согласно ст. 21 УК РФ невменяемым признается лицо, которое во время совершения преступления не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, слабоумия, либо иного болезненного состояния психики. Исходя из законодательного определения и сложившегося в доктрине мнения, под вменяемостью следует понимать то психическое состояние лица, в силу которого человек в момент совершения деяния может полностью осознавать характер своих действий и руководить ими, а также в полной мере осознавать последствия совершенного деяния.

Так как вменяемость является обязательным признаком субъекта преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, она неразрывно связана с виной как признаком субъективной стороны анализируемого состава. Уголовным законом установлено, что необходимым условием уголовной ответственности является наличие вины, у лица, совершившего преступление. Следовательно, лицо, не осознающее фактическую сторону своих действий их социальное значение, а также не способное руководить своими действиями, не могут действовать умышленно, что обязательно требует субъективная сторона кражи. Относительно категории вменяемости предлагаем рассматривать не как способность лица, а также как юридическую предпосылку вины и уголовной ответственности в целом.

Также к признакам субъекта кражи следует отнести то, что субъектном рассматриваемого деяния является лицо, которому присущи все вышеперечисленные признаки, имущество которому не вверялось, то есть

оно не обладает никакими правомочиями в отношении похищаемого имущества.

Так как состав подразумевает совершение преступление группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ) и организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ), в рамках субъекта следует рассмотреть и такой институт уголовного права как соучастие в преступлении.

Так, для кражи совершенной группой лиц по предварительную сговору, объединяются несколько субъектов преступления для совершения единого совместного преступления. В практической деятельности при квалификации действий данных лиц сложностей не возникает, однако, в случае совершения преступления посредством лица, не подлежащим уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ, возникаю затруднения.

На наш взгляд, Пленум Верховного Суда РФ в своих разъяснения четко урегулировал вопрос о субъекте преступления в данном случае. Так, в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»[1] указано, что в случаях совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения. Следовательно, субъектом преступления будет признано лицо, подлежащее уголовной ответственности с исключением признака группы лиц по предварительному сговору.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 02.04.2013) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних"[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2016.

Подстрекать или организатор преступления по общему правилу, согласно разъяснений Верховного Суда РФ, будет признаваться субъектом преступления даже в случае не выполнения им объективной стороны состава преступления.

Однако, при совершении преступления посредством использования несовершеннолетних, невменяемых или лиц, в силу обстановки не осознающих противоправного характера своих действий при условии, что субъект подлежащий уголовной ответственности способствовал совершению кражи, при квалификации его действий не следует исключать квалифицирующий признак группы лиц по предварительному сговору.

Так, приговором Сухоложского городского суда Свердловской области Гребенщиков был осужден по ст. 158 ч. 3 УК РФ. Преступление совершено совместно с малолетними С. и В., которые в силу возраста не подлежат уголовной ответственности. Однако, при совершении преступления Гребенщиков совершал преступление совместно с малолетними С. и В., выполняя объективную сторону. Судебная коллегия по уголовным дела Свердловского областного суда не согласилась с квалификацией действий Гребенщикова и нашла приговор подлежащим отмене, в связи с тем, что суд не учел того, что под кражей совершенной посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной следует понимать такие действия субъекта преступления, когда он сам непосредственно не выполняет действия, образующие объективную сторону состава преступления, а поручает это лицам, не подлежащим уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости и других обстоятельств[1].

Автору представляется, что группа здесь выступает как объективный показатель совершения хищения несколькими лицами, а не как форма соучастия. Такой принцип следует применять ко всем кражам, совершенным посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

---

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда « 22-5495 от 06.08.2003 \\ [Электронный ресурс] – URL: http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=2698.

Кроме того, интересным представляется вопрос о субъекте кражи с проникновением в помещение или иное хранилище. При квалификации деяния по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ субъект имеет важное значение. Так, не будет являться субъектом кражи из помещения или иного хранилища, лицо, находящееся в помещении по долгу службы. Однако, практика показывает, что не всегда данное деяние квалифицируется корректно в отношении субъекта. Так, Советским районным судом города Новосибирска Жижев М.Н. был осужден по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Жижев М.Н., находясь на своем рабочем месте в ПКиО «У моря» после завершения рабочего для, проник в подсобное помещение, откуда тайно похитил четыре двужильных кабеля, принадлежащие ПКиО «У моря»[1]. Следственными органами деяние было квалифицировано как кража из помещения, однако, после изучении автором материалов уголовного дела, представляется, что деяние квалифицировано не верно, так как Жижев М.Н. является сотрудником ПКиО «У моря», который имеет прямой доступ к подсобному помещению, в помещении расположен инвентарь, которым Жижев М.Н. пользуется в рабочее время и несет ответственность за его сохранность. Действия Жижева М.Н., при изучении признаков субъекта кражи, следовало бы квалифицировать по ч. 1 ст. 160 УК РФ.

Все отмеченные признаки обязательны для квалификации общественно опасного деяния как преступления, отсутствие хотя бы одного из них исключает наличие субъекта преступного посягательства.

Таким образом, подводя итог, отметим, что субъектом кражи, может быть физическое лицо, что является общим признаком субъекта всех преступлений, вменяемое лица, достигшее к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности, установленного законодателем, а именно 14 лет.

[1] Архив Советского районного суда города Новосибирска за 2019 год. Дело №1-130-2019.

2.2. Субъективная сторона кражи.

Завершающим моментом в установлении наличия или отсутствия состава преступления, и в решении вопроса о виновности лица является установление субъективной стороны.

Отличительной особенностью субъективной стороны преступления является то, что она формируется до непосредственного исполнения преступления, в виде мотива, цели и плана преступного поведения, а также сопровождает преступление от начало до конца.

Как считает В.Н. Кудрявцев, субъективная сторона преступления представляет собой своеобразную «модель» объективной стороны в психике субъекта и включает интеллектуальное и волевое отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям (вина), цели и мотивы его деятельности, а также эмоциональное состояние, характеризующее его психику в момент совершения преступления[1]. Из сказанного следует, что обязательными признаками субъективной стороны состава преступления является вина, мотив и цель совершения преступления.

В теории уголовного права субъективная сторона кражи, как и любого преступления, характеризуется как психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Субъективная сторона характеризует процессы, протекающие в психике виновного, и непосредственному восприятию органами чувств человека не поддается[2].

В литературе под субъективной стороной принято понимать совокупность предусмотренных уголовным законом признаков, характеризующих психическое отношение лица к совершенному деянию, содержащему данный состав[3]. Субъективная сторона всегда характеризуется наличием вины. В содержание вины входит психический процесс, который протекает в сознании лица, совершившего противоправное деяние. В случае

---

[1] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 172.
[2] Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. Указ. Раб. С. 132; Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. – Л.: ЛГУ, 1968. С. 404.
[3] Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 134.

кражи, виновный осознает общественную опасность противоправного безвозмездного изъятия чужого имущества, предвидит неизбежность наступления реального материального ущерба собственнику в результате своих противоправных действий и желает наступления этих последствий.

В.Н. Кудрявцев утверждал, что субъективной стороной преступления является «своеобразная модель объективной стороны в психике субъекта. Она состоит из интеллектуального и волевого отношения лица к совершаемому им деянию и его последствиям, целей и мотивов его деятельности, эмоционального состояния, характеризующего его психику в момент совершения преступления»[1].

Субъективная сторона кражи характеризуется умышленной формой вины. Именно умышленная форма вины обусловлена, как нам видится, правовым статусом данного преступления, который заключается в намеренном обогащении виновного за счет чужого имущества. В таком случае возможен лишь прямой умысел и исключается как неосторожная форма вины, так и косвенный умысел.

Под виной понимается обязательный признак субъективной стороны состава преступления, выражающий психическое отношение лица к общественно опасному деянию (и его последствия) в форме умысла или неосторожности, то есть в форме такого психического состояния лица, которое позволяло ему контролировать собственное поведение и вызвало совершение этим лицом деяния. Умысел является составной частью вины, это форма вины, при которой лицо, совершившее уголовно-противоправное деяние, осознавало общественную опасность своих действий (бездействий), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, желало их наступления.

К осознанию относят представление лица о том, какие действия или бездействия являются общественно опасными.

---

[1] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М.: Юрист, 2014.С.88.

Предвидение – это ожидание фактических признаков наступившего последствия общественно опасного деяния в развитие причинной связи, мысленное представление этого последствия.

Желание – это волеизъявление в потенции, целенаправленное стремление, признак, обнаруживающий мотивацию поведения человека.

Так, умысел виновного направлен на незаконное завладение имуществом с целью обогащения. При этом виновный осознает, что совершает общественно опасное деяние, предвидит характер последствий и желает их наступления. Преступник осознает, что похищаемое имущество является собственною физических или юридических лиц, что его действия противоправны, но руководствуясь корыстными мотивами, направляет свою волю к тому, чтобы противоправным методом завладеть чужим имуществом.

Предумышленный характер действий при совершении кражи следует из понятия самого хищения, которое представляет собой целенаправленную деятельность. Указание на цель, всегда является показателем прямого умысла. Констатация в уголовном законе того, что краже присущ только прямой умысел является предпосылкой для ответственности за неоконченное преступление, то есть за предварительную преступную деятельность в случаях не доведения преступного деяния до конца по независящем от лица обстоятельствам, поскольку согласно ст. 30 Уголовного Кодекса РФ, приготовление к преступлению и покушением на преступление признаются только умышленные действия, а в теории уголовного права и на практике, не просто умышленные действия, а совершаемые с прямым умыслом.

Умышленный характер действий, совершенных при краже, является необходимым элементом при квалификации действий лиц при соучастии, так как соучастием в преступлении признается именно умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. При этом необходимо, чтобы при соучастии в краже, а также в приготовлении и покушении присутствовал умысел именно на совершение кражи.

Особенностью субъективной стороны кражи является то, что виновный стремится совершить именно тайные действия. При квалификации

действий при соучастии необходимо определить, какие именно обстоятельства преступления известны каждому лицу. Умыслом лиц, участвующих в краже в качестве пособника или подстрекателя, должно охватываться то, что исполнителем будет совершена именно кража, а не иное общественно опасное деяние. Без установления данного субъективного признака лицу нельзя вменить квалифицирующий признак группы лиц по предварительному сговору или организованной группы. Такого же правила должен придерживаться правоприменитель при решении вопроса об ответственности лица, совершившего кражу с проникновением в помещение или иное хранилище, а также с проникновением в жилище. Для квалификации действий лица, по соответствующим квалифицирующим признакам, необходимо достоверно установить с какой целью лицо оказалось в помещении или жилище, а также обязательным для правильной квалификации является установление момента возникновения у виновного умысла на совершение кражи. В случае, если лицо правомерно находилось в помещении или жилище вменять в вину данные признаки нельзя.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев надзорную жалобу осужденного Осканова Р.А. на приговор Назрановского районного суда Республики Ингушетия, а также кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Ингушетия и постановление президиума Верховного Суда Республики Ингушетия, установила следующее: Осканов Р.А. был признан виновным в совершении преступления предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Однако, согласно материалам уголовного дела осужденный имеет регистрацию по месту жительства в помещении откуда была совершена кража. В связи с этим, осуждение его за кражу с незаконным проникновением в жилище необоснованно, так как умысла на совершение тайного хищение с проникновением в жилище у виновного не было. В связи

с этим действия Осканова Р.А. подлежат переквалификаций на ч. 1 ст. 158 УК РФ[1].

Исходя из вышесказанного относительно прямого умысла при совершении тайного хищения, полагаем, что умысел при совершении кражи включает в себя один интеллектуальный и один волевой аспект. Первый, то есть интеллектуальный, условно можно разделить на осознание общественной опасности своих действий и предвидение наступление общественно опасных последствий от этих действий. Осознание общественной опасности заключается в понимании виновным лицом юридически значимых обстоятельств, которые образуют объективную сторону тайного хищения чужого имущества. При этом он должен осознавать, что изымая имущество собственника он нарушает чужое владение, а затем обращает имущество в сферу своего пользования и владения. Такие же обстоятельства как место, время, а также обстановка совершения преступления не обязательны для включения в сферу сознания виновного для установления умысла, однако, данные обстоятельства (время и обстановка) являются неотъемлемой частью сознания любого вменяемого человека.

Понимание виновным такого признака как противоправность, предполагает осознание своего асоциального поведения. Виновный может заблуждаться относительно принадлежности изымаемого имущества конкретному собственнику, однако, это не влияет на квалификацию содеянного, поскольку противоправность изъятия и обращения в свою пользу заключается в совершении действий в отношении имущества другого лица и именно это должно охватываться умыслом виновного в совершении преступления. Для осознания противоправности достаточно лишь того, что субъект осознает, что имущество по отношении к нему является чужим, то

[1] Надзорное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 февраля 2013 г. № 26-Д12-8 // [Электронный ресурс] – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70237132/#ixzz5lEisvjiF.

есть принадлежит другому лицу и он (виновный) не обладает никакими правомочиями по отношении к этому имуществу.

В рамках интеллектуального момента умысла следует отметить то, что виновный должен также осознавать безвозмездность совершения им указанных в законе действий. В связи с чем, лицо, которое полагает, что действует на возмездных началах нельзя привлечь к ответственности за хищение в связи с отсутствием интеллектуального момента умысла. Такая же ситуация происходит когда лицо ошибалось на счет стоимости вещи и считало, что предоставляет собственнику эквивалентное возмещение за утраченное имущество. Безвозмездность с субъективной стороны предполагает, что лицо осознает то, что изъятые вещи включаются в сферу собственных интересов, без намерения возвращать похищенное имущество или его эквивалент законному владельцу. Именно это обстоятельство позволяет отграничить угон от кражи автомобиля, например. Поскольку виновный не имеет умысла на безвозмездное изъятие имущества, а желал лишь временно воспользоваться имуществом. Таким образом, следует обращать особое внимание на то, было ли у субъекта в самом начале и в уже в момент когда он изымал имущество, намерение возместить стоимость изъятого или нет.

Так, судом первой инстанции Б., Ф., и Г. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ. Осужденный Б. подал кассационную жалобу, в которой просил переквалифицировать его действия, так как он совершал хищение автомобиля с целью его дальнейшей реализации, так как он нуждался в деньгах. В судебном заседании, а также в ходе предварительного расследования, осужденные Ф. и Г. в своих показаниях пояснили, что Б. предлагал им похитить автомобиль, затем продать его и вырученные деньги поделить пополам, на что они согласились. Свидетель Ш. подтвердил, что к нему обратился Б. с просьбой о временном хранении автомобиля в его гараже, что свидетельствует о том, что Б. не намеревался покататься на автомобиле, а его целью была продажа похищенного и извлечение

материальной выгоды. Судебная коллегия по уголовным делам Свердловской области нашла доводы, представленные в кассационной жалобе обоснованными и указала, что при таких обстоятельствах суд ошибочно квалифицировал действия осужденных Б., Ф. и Г. как угон, их действия подлежат переквалификации на п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ[1].

Рассмотрим иную ситуацию, Ленинским районным судом г. Тюмени А. осужден по п. "б" ч. 2 ст. 158[2], п. "б" ч. 2 ст. 166 и по ч. 2 ст. 325 УК РФ. Он признан виновным в том, что 19 сентября 1998 г. в состоянии алкогольного опьянения в квартире гражданина П. воспользовался тем, что тот заснул, тайно, из корыстных побуждений, похитил сумку из кожзаменителя, в которой находились документы на имя потерпевшего: паспорт, военный билет, трудовая книжка, доверенность на право управления автомобилем и технический паспорт на данный автомобиль, а также три ключа стоимостью по 10 руб. каждый. Воспользовавшись этими документами и ключами, А. совершил угон принадлежащего П. автомобиля.

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений в части осуждения Шварца по п. "б" ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 325 УК РФ и прекращении дела в этой части.

Президиум Тюменского областного суда 2 июля 1999 г. протест удовлетворил, указав следующее.

В соответствии с п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу

---

[1] Бюллетень судебной практики Свердловского областного суда по уголовным делам за 1 квартал 2011 г. \\ [Электронный ресурс] – URL: http://www.ekboblsud.ru/print_doc.php?t=sudpr&id=81.

[2] Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (в ред. От 27.05.1998 №77-ФЗ). Доступ система КонсультантПлюс \\ http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=93BA37629B943419B365C560A9BFCD7F&req=doc&base=LAW&n=37838&dst=100896&fld=134&REFFIELD=134&REFDST=1000000489&REFDOC=43266&REFBASE=LAW&stat=refcode%3D16876%3Bdstident%3D100896%3Bindex%3D1416#3is3lq7hgsg .

виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Допрошенный в ходе предварительного следствия А. показал, что в результате распития спиртных напитков потерпевший опьянел и лег спать. Он, А., решил воспользоваться данной ситуацией и съездить к родственникам, завладев автомобилем П., а затем, по приезде, вернуть машину законному владельцу, для чего взял ключи и документы, находившиеся в сумке потерпевшего (впоследствии он добровольно вернул потерпевшему машину и документы).

Как пояснил в судебном заседании потерпевший П., 19 сентября 1998 г. он и А. распивали спиртные напитки, при этом А. видел, как он положил на холодильник сумку с документами и ключи от машины. Затем он уснул, а когда проснулся, обнаружил, что его автомашины нет у подъезда, сумки на холодильнике также не оказалось. Потерпевший подтвердил возврат А. похищенного.

При таких обстоятельствах вывод суда о наличии в действиях осужденного признаков хищения чужого имущества, а также похищения документов необоснован, поскольку А., завладев автомобилем потерпевшего без цели хищения, желая временно воспользоваться им, не имел умысла обратить машину и вещи в свою собственность.

С учетом изложенного приговор и определение кассационной инстанции в части осуждения А. по п. "б" ч. 2 ст. 158 и ч. 2 ст. 325 УК РФ отменены президиумом Тюменского областного суда и дело прекращено за отсутствием состава преступления; признано считать А. осужденным по п. "б" ч. 2 ст. 166 УК РФ[1].

Как видно из приведенных решений, практика идет по пути меньшего сопротивления, игнорируя предписания закона об установлении корыстной цели при совершении кражи чужого имущества.

---

[1] Постановление Президиума Тюменского областного суда от 02.07.1999 \\ [Электронный ресурс] – URL: https://www.lawmix.ru/jude/15861.

Для установления наличия в действия виновного умысла на совершение кражи, наряду с осознанием фактического содержания своего поведения виновным, обязательным к установлению является и отражение в его сознании объективных признаков, которые характеризуют кражу в качестве обособленного состава, а именно способа совершения преступления.

В умышленном совершении преступления, сознанием субъекта должны охватываться и квалифицирующие обстоятельства, если они объективно имеют место быть. Некоторые квалифицирующие признаки, такие как совершение преступления в составе организованной группы или группой лиц по предварительному сговору, в части субъективных признаков были рассмотрены нами ранее.

Для того, чтобы достоверно установить интеллектуальный аспект умысла при совершении преступлений с материальным составом необходимо не только осознание виновным фактически совершаемых им действий, но и предвидение реального имущественного ущерба, в случае рассматриваемого состава. Безусловно, в случае совершения кражи виновный не сомневается в том, что причиняет имущественный вред собственнику, что является умыслом на причинение имущественного вреда, однако, при решении вопроса об установлении умысла виновного на причинение определённого в законе ущерба могут возникнуть трудности.

Рассмотрим квалифицирующий признак в зависимости от причиненного ущерба, а именно п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Установление умысла в случае совершения кражи с причинением значительного ущерба гражданину не вызывает затруднений на практике, однако, автору видится, что субъект не может иметь умысел на причинение именно значительного ущерба потерпевшему. Как было сказано выше, значительность является оценочной категорией, следовательно, при установлении умысла виновного на причинение значительного ущерба необходимо, что бы лицо достоверно знало имущественное положение собственника или иного владельца имущества. Автору представляется, что вменение такого квалифицирующего

признака нецелесообразно, так как виновный не мог осознавать размер причиненного собственнику ущерба, следовательно, установить его умысел при таких обстоятельствах невозможно. Вышесказанное еще раз подтверждает, что п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ имеет значительное количество недоработок, не смотря на то, что применяется на протяжении многих лет.

Сознание и воля образуют неразрывное единство содержания вины, как элементы психической деятельности человека. Интеллектуальный аспект прямого умысла взаимосвязан с его волевым моментом. Волевой элемент прямого умысла, характеризует направленность воли субъекта и определяется в законе как желание наступления общественно опасных последствий. Так, направленность стремлений субъекта формирует у него определённое представление о характере возможных общественно опасных последствий.

Несмотря на такую позицию законодателя, ряд авторов в качестве волевого момента умысла субъективной стороны рассматривают не желание наступления общественно опасных последствий, а желание виновного извлечь материальную выгоду за счет изъятия чужого имущества[1]. Автору данное мнение представляется не совсем корректным, так как при рассмотрении объективных признаков тайного хищения чужого имущество, нами было указано, что общественно опасными последствиями кради, в качестве обязательных признаков, необходимо признавать только реально причиненный материальный ущерб. Незаконное обогащение виновного лежит за его пределами и является отражением природы рассматриваемого деяния. Такой подход подразумевает необоснованное признание косвенного умысла при совершении тайного хищения чужого имущества, так как в данном случае, субъект не будет желать причинения имущественного вреда собственнику имущества, а лишь допускает его. Кроме того, причинение

[1] Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 167; Борзенков Г.Н. Преступления против собственности // Курс уголовного права: Особенная часть: учебник для вузов. Т. 3. / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С.417; Миненок М.Г. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы / М.Г.Миненок, Д.М. Миненок. СПб., 2001. С. 113.

ущерба собственнику или иному владельцу является необходимой предпосылкой для незаконного обогащения виновного, следовательно, он не может безразлично относиться к причинению имущественного вреда и несомненно желает его наступления.

Желание наступления общественно опасных последствий понимается как целенаправленное стремление.[1] При прямом умысле желаемым следует признавать не только те общественно опасные последствия, которые являются элементом состава, но и те, которые представляются виновному нужными или неизбежными на пути к удовлетворению потребностей.

Действуя с прямым умыслом, виновный осознает объект и предмет незаконного посягательства, способ совершения деяния, а также его квалифицирующие признаки. Кроме того, подразумевается, что виновный видит общий характер причинно – следственной связи между действиями, указанными в уголовном законе и их общественно опасными последствиями. При этом особенностью волевого аспекта прямого умысла будут являться именно общественно опасные последствия, выразившиеся в причинении реального материального ущерба собственнику или иному законному владельцу имущества. Также существует позиция, поддерживаемая в том числе Д.Л. Гаухманом, что элементом волевого аспекта прямого умысла следует признавать корыстную цель, преследуемую виновным[2]. Однако, нам представляется, что корыстную цель следует рассматривать не в совокупности с умыслом, а как самостоятельный признак субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ.

От характеристики признаков умысла на совершение кражи следует перейти к рассмотрению мотива и цели данного преступления. Мотив и цель преступления являются факультативными признаками субъективной стороны, однако, оба признака играют существенную роль в определении

---

[1] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. С. 513.

[2] Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. 2 – е изд., испр. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. С. 38.

характера уголовной ответственности и оценки общественной опасности личности виновного.

Под мотивом в уголовно-правовой литературе, в общем плане, принято понимать осознанное побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить определенное преступление[1].

Цель же, в отличие от мотива, в большей мере характеризует преступный результат, к которому стремиться виновный совершая то или иное преступление. Следует отметить, что мотив преступления характеризует то, чем руководствовался виновный при совершении преступления, а цель определяет характер и направленность его действий, а также результат к которому стремиться субъект. Мотив, как отмечается в литературе, отвечает на вопрос почему, а цель – для чего совершалось преступление, чего стремился достичь преступник[2].

К числу обстоятельств подлежащих доказыванию уголовный закон относит «виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы»[3]. И как нам представляется, это вполне обоснованно, так как не зная мотива, нельзя понять, почему подлинно установить смысл его действий. Мотив определяет модель поведения не сам по себе, а в совокупности с целью. Мотив и цель тесно связаны между собой и являются психическими явлениями, которые совместно с виной образуют субъективную сторону преступления.

Рассмотрению понятий мотива и цели в юридической литературе уделено значительное внимание. Судебная практика, а также теория уголовного права исходят из того, что незаконное изъятие и ображение чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц осуществляется с корыстным мотивом и корыстной целью.

Применительно к хищению чужого имущества путем кражи, обозначив только корыстную цель признаком, законодательно включенным в

---

[1] Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975. С. 12

[2] Якушин В.А. Мотивы и цели преступления: учеб. пособие рек. УМО / В.А. Якушин. – Тольятти: ВУит, 2016. С. 11.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019).

определение хищения, относящимся к субъективной стороне, законодатель внес путаницу, создав вокруг этого вопроса дискуссию, в которой выделяются сторонники понимания хищения как сугубо корыстного преступления и считают, что только мотиву присуща корыстная направленность[1], другие полагают, что она может относиться как к мотиву, так и к цели преступления, также существует мнение, что корыстные цели и мотивы вообще не обязательны для хищений. По мнению С.М. Кочои, законодатель смешал понятия цели и мотива преступления, называя цель, к которой стремится виновный, и мотив, которым он руководствуется одинаково корыстными[2].

На наш взгляд, чтобы более подробно разобраться в сложившемся противоречии, необходимо понять, в чем заключается сущность корыстного мотива и корыстной цели рассматриваемого деяния. Для этого выясним, что представляет собой «корысть». Толковый словарь С.И. Ожегова толкует данное понятие как «стремление к личной выгоде»[3].

На наш взгляд, корысть – это, прежде всего, материальные потребности человека, лежащие в основе его поведения, если он стремиться получить какую-либо материальную выгоду, а также в таких случаях, когда стремление к материальной выгоде выражается в желании избавиться от каких-либо материальных трат. Материальный потребности в таком случае, являются условием возникновения мотивации. Однако, стремление к более высокому материальному положению можно разделить условно на две группы: к первой следует отнести «здоровое» желание, выразившееся в интенсивном труде, ко второй – «незаконное», выражающееся в совершении кражи чужого имущества.

Отсюда следует, что сущность корыстного мотива при краже заключается в побуждении паразитического характера, стремлении

---

[1] Борисов О.А. Взаимосвязь объекта и мотива преступления. Дисс…. канд. юрид. наук. – Волгоград. Волгоградский юрид. ин-т. 1996. С. 107.

[2] Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – 2-е изд., допол. и перераб. М.: 2000. С. 111.

[3] Ожегов С.И. Словарь русского языка \ Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. С. 380.

удовлетворить свои материальные потребности за чужой счет, запрещенными законом способами, путем завладения имущества, на которое у виновного отсутствуют правомочия[1].

Корыстная цель предполагает стремление виновного распорядиться похищенным имуществом как своим, извлечь именно материальную выгоду. Примечательно, что цель должна удовлетворяться только за счет изъятого имущества, иной путь не предполагается. Также полагаем, что безвозмездная передача похищенного имущества другим лицам будет выражать корыстную направленность. Так, КРА, воспользовавшись тем, что КНВ оставил принадлежащий ему велосипед «Форвард» на лестничной площадке, и не осуществлял должного контроля за сохранностью указанного имущества, действуя умышленно, целенаправленно, из корыстных побуждений, тайно похитил указанный велосипед, с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылся, распорядившись похищенным по своему усмотрению, тем самым причинив потерпевшему значительный материальный ущерб[2]. Налицо корыстная цель – обращение имущества, а именно велосипеда в фактическое владение виновного. Также корыстная цель будет иметь место при передаче похищенного имущества лицам, с которыми у виновного имеются имущественные отношения, например сдача в аренду похищенного имущества. Для рассматриваемого состава важно, в первую очередь то, что собственник или иной законный владелец лишится имущества не по своей воле, а не то, кто получит имущественную выгоду, виновный или иное лицо.

Ряд авторов, в том числе С.В. Скляров, считают, что хищение с целью получения материальной выгоды не для себя не соответствует этимологическому понятию корысти. Указывается на противоречие в законодательном определении хищения корыстной цели и обращения

---

[1] Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 195 – 197.

[2] Приговор Головинского районного суда г. Москвы по делу №1-77/16 от 26.02.2016. \\ [Электронный ресурс] – URL: http://www.sud-praktika.ru/precedent/94394.html .

имущества в пользу других лиц[1]. Разрешить данное противоречие он предлагает путем исключения из определения хищения указания на корыстную цель как на необходимый признак состава, и заменить ее, на цель распоряжения имуществом на усмотрение виновного. Однако, на наш взгляд, такая замена приведет к расширению круга деяний, попадающих под действие норм, предусматривающих ответственность за хищение. На наш взгляд, отсутствие стремления к извлечению материальной выгоды для себя либо для других лиц в результате совершенного деяния, значительно снижает его общественную опасность и уголовная ответственность наравне с хищением наступать не может.

Противоправный захват имуществом должен осознаваться преступником как непосредственная цель кражи, следовательно, завладение имуществом представляет собой достижение цели, находящейся в рамках состава преступления.

Таким образом, мотив и цель не совпадающие по содержанию психологические понятия, которые тесно связаны между собой, однако, они не подлежат отождествлению. Мотив, приводит к постановке цели, но не может ею являться. Он служит побудительной причиной, а цель – это предполагаемый результат поведения, который лежит в его завершении.

Как нами отмечалось ранее, корыстный мотив не указан в примечании к ст. 158 УК РФ и это дает основание полагать, что корыстный мотив не обязательный признак рассматриваемого деяния. Однако, не смотря на отсутствие в уголовном законе указание на корыстный мотив, многие специалисты относят его к обязательному признаку субъективной стороны состава преступления[2].

---

[1] Скляров С.В. Законодательная регламентация и квалификация хищений. Иркутск, 2007. С. 34.

[2] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов \ Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др.; под. Ред. В.С. Коммисарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012 – С. 245.

Безусловно, корыстный мотив типичен для совершения хищения чужого имущества, однако, совершая такого рода деяния, виновный может руководствоваться и иными мотивами.

Главным, на наш взгляд, в квалификации действий виновного как тайное хищение чужого имущества является не мотив, который может быть не только корыстным, а корыстная цель, суть которой состоит в том, что виновный, при совершении кражи, стремится незаконно обогатиться сам или обогатить других лиц за счет чужого имущества.

При анализе судебной практики выявлено, что суд, при квалификации действий виновного по ст. 158 УК РФ указывает лишь корыстную цель, которой руководствовался виновный.

Не может быть признано хищением изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц не с корыстной целью, в таких случая содеянное будет являться не хищением, а уничтожение или повреждением имущества, например.

Таким образом, подводя итог рассмотрению данного параграфа, изложим свое мнение в отношении содержания субъективных признаков тайного хищения чужого имущества.

Во-первых, вина при совершении тайного хищения чужого имущества содержит все элементы прямого умысла, указанные в уголовном законе. Виновный осознает общественную опасность совершенного им противоправного изъятия чужого имущества и обращения его в свою пользу, предвидит наступление общественно опасных последствий в виде причинения реального материального ущерба собственнику или иному владельцу имущества и желает наступления этих последствий. Особенностью рассматриваемого состава преступления является отражение в сознании виновного тайности своих действий.

Во-вторых, при соотношении понятий мотив и цель при тайном хищении чужого имущества считаем весьма целесообразным характеристику исключительно цели с точки зрения корысти. Корыстную цель следует понимать, как стремление виновного извлечь именно материальную выгоду

для удовлетворения своих материальных потребностей или потребности других лиц, путем владения, пользования и распоряжения чужим имуществом как своим.

В-третьих, мотив при тайном хищении чужого имущества не может быть назван корыстным, в силу того, совершая такое деяние, виновный может руководствоваться и иными мотивами.

Выводы:

1. Субъект преступления является обязательным элементом состава преступления. Им признается физическое лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, способное нести за него ответственность. Для того, чтобы лицо могло нести уголовную ответственность оно должно обладать следующими признаками: вменяемость, достижение возраста уголовной ответственности установленного законом.
2. Кражи совершаются лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, в силу этого, предлагаем снизить возрастной порог при установлении ответственности за кражу, установив ответственность с 12 лет, при этом, с 12 до 14 лет к субъектам преступления не применять реальное лишение свободы.
3. Субъективная сторона кражи характеризуется умышленной формой вины и обязательным наличием корыстной цели, при этом, материалы проведенного нами исследования, свидетельствуют о том, что следственная и судебная практика не берут во внимание разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, не исследуют материалы уголовного дела полно и всестороннее, что приводит к ошибкам квалификации, в силу неверной трактовки корыстной цели виновного.

Заключение

Собственность как социально-экономическая категория включает в себя отношения по присвоению материальных благ. Обладание и распоряжением имуществом – выступает гарантией благосостояния граждан и их экономической свободы. Конституционное право иметь имущество в собственности, владеть и распоряжаться им – не ограждает от преступных посягательств на собственность. Данный защитный механизм содержится в уголовном законе.

Исходя из распространенности преступлений против собственности и причиняемого ими высокого совокупного ущерба, государство занимает активную позицию по установлению ответственности за их совершение, а также по созданию мер их предупреждения.

Наиболее распространенным видом, согласно данным официальной статистики, является кража. На наш взгляд, это и наиболее социально-опасное явление.

Родовым объектом данных преступлений является совокупность однородных общественных отношений в сфере экономики России,

обеспечивающих ее нормальное функционирование как целостного народнохозяйственного комплекса.

Видовым объектом рассматриваемых преступлений являются отношения собственности - отношения, складывающиеся между экономическими субъектами в процессе пользования, распоряжения и владения материальных и нематериальных благ.

Непосредственным объектом выступает конкретная форма собственности: государственная, муниципальная, частная или иная.

Конкретное имущество (благо), относительно которого совершается преступление – составляет предмет данного деяния.

Понятие имущества раскрывается в смежной отрасли права – в гражданском праве.

Предметом кражи является имущество, которое должно обладать физическим, экономическим и юридическим признаками.

Объективная сторона кражи выражается в противоправном безвозмездном изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Противоправность изъятия и обращения характеризует отсутствие не только какого-либо вещного или обязательственного права в отношении имущества как такового, но и отсутствие права на его изъятие и обращение.

Имущество при хищении обращается в пользу виновного или других лиц. Это значит, что эти лица получают возможность извлекать его полезные свойства точно так же, как они делают это в отношении своего имущества.

Кража характеризуется тайностью изъятия имущества.

Кража считается оконченным преступлением с момента, когда виновный изъял чужое имущество и получил реальную возможность распоряжаться им по своему усмотрению.

На практике следует обращать внимание на тщательное разграничение смежных форм хищений.

Рекомендации по конкретным вопросам, выработанные на основе обобщения судебной практики – даны в тематических постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Также тщательному установлению подлежат квалифицирующие признаки кражи.

Как правило, квалифицирующие признаки отражают те общественные отношения, те модели совершения деяния, которые встречаются достаточно часто, и избранный способ или последствие (например, групповая кража в крупном размере) – свидетельствуют об особой дерзости, о повышенном степени противопоставления виновного лица установленным уголовно-правовым запретам.

Квалифицированные виды кражи регламентированы на законодательном уровне и их введение позволяет дифференцировать уголовную ответственность за содеянное.

Реализация ряда квалифицированных составов кражи требует решения вопросов, возникающих на практике. Среди таких вопросов – присоединение второго лица к первому на стадии уже начавшейся преступной деятельности; значение способа предварительной договоренности для квалификации; вопрос о квалификации действий члена преступной группы, который по не зависящим от него обстоятельствам не получил возможности распорядиться имуществом (применительно к групповым кражам); соответствие понятиям помещение или хранилище зданий, в которые в любое время свободен доступ посторонних лиц; уточнение юридической конструкции признака “из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем”, и др.

В целом, преступления в виде кражи (именуемые на бытовом языке воровством) – имеют многовековую историю, в криминальной среде накоплен и продолжает накапливаться опыт совершения данных деяний. Достаточно стабильна ценностная система взглядов, установок, оправдывающих, убеждающих в антисоциальных мотивах и побуждающих к совершению краж.

Для предотвращения подобных преступлений требуется скоординированная работа правоохранительных органов и государственной власти, а также меры профилактики для снижения уровня регистрируемой преступности по ряду направлений в сфере преступных посягательств на чужое имущество.

Проведенное исследование позволило нам сформулировать некоторые предложения по совершенствованию законодательства об уголовной ответственности за хищения в форме кражи.

1. Несовершенство юридической конструкции “из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем”, обусловило то обстоятельство, что связь с обстановкой совершаемого преступления ограничилась лишь указанием на предметы, которые находятся при потерпевшем.

Предлагаем квалифицирующим признаком хищения считать обстановку совершаемого преступления в общественном месте, на транспорте. Как правило, именно там присутствует значительное количество посторонних лиц либо такие места оборудованы камерами фото- и видеонаблюдения. Поэтому хищение в указанных местах подчеркивает дерзость преступления, а следовательно, должно влечь более строгое наказание, чем "обычная" кража.

2. Полагаем, что целесообразно было бы выделить самостоятельный состав преступления, обособив его в ст. 158.1 УК РФ следующего содержания: «Незаконное подключение к газопроводу, совершенное с целью хищения». С учетом этого из п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ должно быть исключено указание на совершение кражи из газопровода.

В целом, считаем поставленную в работе цель - реализованной и позволим предположить, что интерес к совершенствованию уголовно-правового механизма противодействия хищениям в форме кражи, в совокупности с мониторингом особенностей их квалификации - могут послужить основой для разработки весомых прикладных результатов, направленных на их снижение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (по сост. на 21.07.2014 N 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. N 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.

Научная и учебная литература

1. Акинина Н.Ю. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2014. С. 66 - 72.
2. Байтурин А.Н., Асахов Р.Г. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за кражу и грабеж // Перспективы развития науки в современном мире Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции. 2017. С. 94-98.

3. Башков А.В. Кража имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем: спорный вопрос квалификации // Российский юридический журнал. 2014. N 6. С. 70-75.
4. Борисов А.Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С постатейными материалами и практическими разъяснениями. М.: Инфра-М, 2012. С. 98.
5. Василевич С.Г. Административная ответственность за мелкое хищение // Проблемы управления (Минск). 2012. № 4 (45). С. 128-133.
6. Векленко В.В., Николаев К.Д. Отягчающие обстоятельства хищений. Омск: Омская академия МВД России, 2014. С. 150 - 151.
7. Винокуров С.И. Уголовная политика и права потерпевшего в свете Конституции Российской Федерации: от деклараций к справедливости // Российская юстиция. 2014. N 3. С. 54 - 57.
8. Галахова А.В. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: Научно-практическое пособие. М.: Норма, 2014. С. 557.
9. Гармышев Я.В. Особенности установления оценочных понятий при квалификации отдельных видов преступлений // Российский следователь. 2015. N 19. С. 35 - 39.
10. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному праву России (историко-теоретическое исследование): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1999. С. 9.
11. Ермакова О.В. Законодательная конструкция состава кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. "б" ч. 3 ст. 158 УК РФ) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С. 85-86.
12. Ершов О.Г., Карпов К.В. О компенсации вреда потерпевшему от преступления // Российский следователь. 2013. N 15. С. 13 - 16.
13. Ефимова М.П. Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию // Молодой ученый. 2017. № 11 (145). С. 340-342.

14. Жадан В.Н. К вопросу о подходах выделения причин преступности несовершеннолетних // Проблемы современной науки. 2014. № 12. С. 87-95.
15. Загумённый К.И., Тимошенко Н.А. Разграничение мелкого хищения и тайного хищения чужого имущества // Наука и инновации в современных условиях сборник статей международной научно-практической конференции: в 4 частях. 2017. С. 135-139.
16. Задирако Ю.О. Проблемные аспекты тайного хищения чужого имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е. Н. Рахманова. 2018. С. 395-397.
17. Иванова О.М. Отдельные аспекты реформирования уголовного законодательства о тайном хищении чужого имущества // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2018. № 4-1 (4). С. 103-109.
18. Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности. М.: Юриспруденция, 2014. С. 84.
19. Колоколов Н. Карманная кража // ЭЖ-Юрист. 2015. N 42. С. 4-5.
20. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 10, 23.
21. Кошелева Е.В. Криминологический анализ преступлений несовершеннолетних против собственности // Российский следователь. 2015. N 13. С. 29 - 32.
22. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу "Основы квалификации преступлений" / Науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Приор, 2007. С. 208.
23. Лазарева Н. Новая уголовная политика // ЭЖ-Юрист. 2015. N 34. С. 1, 3.

24. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве - нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. N 3. С. 64 – 71.
25. Макаров А.В., Жукова А.С. Некоторые законодательные особенности конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера по устранению корыстной мотивации совершения преступлений // Российский следователь. 2013. N 5. С. 17 - 20.
26. Палий В.В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // Lex russica. 2017. N 7. С. 124 - 136.
27. Понятовская, Т.Г. Иные меры уголовно-правового характера // Уголовно-правовое воздействие: Монография / Под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012. 288 с.
28. Просочкин А.М. Административная преюдиция как новый этап борьбы с хищениями чужого имущества // Юристъ - Правоведъ. 2016. № 3 (76). С. 63-68.
29. Ревин, В.П. Современная реформа уголовного законодательства как отражение уголовной политики России // Российский следователь. 2015. N 21. С. 12 - 15.
30. Рогова Е.В. Уголовно-политические основы дифференциации уголовной ответственности // Безопасность бизнеса. 2017. N 5. С. 53 - 58.
31. Сергеева А.А. Кража, как тайное хищение чужого имущества // Общественные и экономические науки. Студенческий научный форум Электронный сборник статей по материалам IV студенческой международной научно-практической конференции. 2018. С. 259-262.
32. Сидоренко Э.Л. Некоторые вопросы квалификации хищений в свете последних изменений УК РФ // Мировой судья. 2017. N 3. С. 21 - 25.
33. Сирик М.С. Признаки объективной стороны кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода // Условия, императивы и альтернативы развития современного общества: экономика, управление, социономия, право Материалы международной

научно-практической конференции / под ред. Е.В. Королюк. 2016. С. 106-110.

34. Смольянинов Е.С. Реформирование отдельных концептуальных положений уголовной политики России в сфере охраны экономической деятельности // Российский следователь. 2014. N 21. С. 26 - 28.
35. Судебная практика к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А.В. Никитина. М.: Городец, 2014. С. 161 - 162.
36. Сумачев А.В. О превентивных возможностях уголовного закона // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18 - 19 октября 2013 г.): избранные материалы / Под ред. А.А. Ананьевой. М.: Статут, 2014. 368 с.
37. Уголовно-правовое воздействие: монография / Под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2014. 288 с.
38. Феонычев В.В. Причины преступности несовершеннолетних // Современное развитие экономических и правовых отношений. 2014. № 1. С. 367-375.
39. Филиппов О.Ю., Юрицин А.Е. Мелкое хищение: проблемы возбуждения дела об административном правонарушении и проведении административного расследования // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 127-131.
40. Хакимова Э.Р., Яхутов М.Р. К вопросу о тайном хищении чужого имущества // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2015. № 18-3. С. 59-64.
41. Цуканова О.В. Особенности взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений, совершенных на транспорте // Российский следователь. 2015. N 19. С. 8 - 11
42. Шенмайер Н.В. Понятие предупреждения тайных хищений чужого имущества и классификация таких предупредительных мер // Молодой ученый. 2018. № 16 (202). С. 242-244.

43. Шеслер А.В. Общие квалифицирующие признаки хищения // Законность. 2014. № 2. С. 35-38.
44. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2013. С. 42 - 44.
45. Шнайдер А.В. К вопросу о краже, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода // Вестник молодого ученого Кузбасского института ФСИН России Сборник научных статей. Ответственный редактор А.Г. Чириков. Новокузнецк, 2017. С. 109-110.
46. Щербаков В.П. Характеристика уголовной ответственности за тайное хищение чужого имущества в нормах отечественного законодательства // Современное общество и власть. 2017. № 3. С. 171-179.
47. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном праве России // Журнал российского права. 2009. N 10. С. 5 - 16.
48. Яни П.С. Квалификация групповых хищений в судебной практике // Законность. 2016. N 1. С. 40 - 45.
49. Яни П.С. Кража из одежды, сумки и другой ручной клади // Законность. 2016. N 5. С. 34 - 37.
50. Ярковой С.В. Понятие и основные черты административной правоприменительной деятельности // Административное право и процесс. 2017. N 4. С. 73 - 76.

Материалы судебной практики

51. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017) "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2.
52. Бюллетень судебной практики по уголовным и делам об административных правонарушениях Свердловского областного суда 2004г. [Электронный ресурс] URL:http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RASVR&n=7174#08985145942787854.

53. Апелляционное постановление Вологодского областного суда по уголовному делу № 22-1810/2016 от 10 октября 2016 г. // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.04.2019).
54. Постановление президиума Саратовского областного суда от 2 сентября 2013 г. по делу N 44у-147/13 // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.04.2019).
55. Апелляционное определение Московского областного суда от 13 июня 2013 г. по делу N 22-3857/2013 // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.04.2019).
56. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 18.01.2016 по делу N 33-101/2016 // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.04.2019).
57. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда « 22-5495 от 06.08.2003 \\ [Электронный ресурс] – URL: http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=2698.
58. Приговор Асиновского городского суда Томской области от 20 декабря 2016 г. по делу № 1-173/2016 // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.04.2019).
59. Приговор Томского районного суда Томской области от 20 декабря 2016 г. по делу № 1-253/2016 // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.01.2019).
60. Приговор Верхнекетского районного суда от 27 декабря 2016 г. по делу № 1-86/2016 // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.04.2019).
61. Постановление Ленинского районного суда г. Тюмени от 23 августа 2017 г. по делу № 5-1702/2017 // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.04.2019).
62. Приговор Кожевниковского районного суда Костромской области от 19 декабря 2016 г. по делу № 1-74/2016 // СПС Консультант Плюс: судебная практика (дата обращения: 08.01.2019).

63. Приговор Волжского городского суда (Волгоградская область) от 12.04.2012 по делу № 308/2012. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru.
64. Приговор Старожиловского районного суда (Рязанская область) от 20.02.2015 по делу № 1-9/2015 [Электронный ресурс] – URL: https://sudact.ru/regular/doc/zeeUYDdRo3Lx/.
65. Дело № 1-310/2018 Архив Советского районного суда города Новосибирска за 2017 год.
66. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2006 № 46-Д06-3 \\ [Электронный ресурс] – URL: https://www.lawmix.ru/vas/124333.
67. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула №1-122/2017 от 17 мая 2017 г. По делу № 1-122/2017 [Электронный ресурс] – URL: https://sudact.ru/regular/doc/t0fvSoJvbBNp/.

Интернет-ресурсы

68. Официальный сайт МВД РФ. Адрес электронного доступа: https://мвд.рф/folder/101762/item/8306504/ (дата обращения 08.05.2019).
69. Официальный сайт Судебного Департамента РФ. Адрес электронного доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3383 (дата обращения 08.05.2019).